Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 24



КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов За рубежом, Нью-Йорк, США

№ 24 Нью-Йорк Март 1980

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Editor
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Cades Rollcall
V. Glinin
43 Dickinson St.
Glen Cove, N. Y.
11542

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Уж видно зарубежным издательствам так положено судьбой. Плакать о своей горькой доле, но все же тянуть тяжелую лямку. Может быть потому, что этим путем можно общаться с теми, кто близок по милому прошлому, а может быть, и даже вернее, потому же почему Остап на эшафоте воскликнул в душевной немощи

”Батько! Где ты? Слышишь ли ты?“

и перекликается голос Тараса со всех концов мира: «Слышу!» И от голоса тарасова крепнет стремление творить в настоящем и надеяться, что и в будущем никто не пересилит русскую силу. А разве можно жить человеку без этих стремлений и надежд, ограничивая себя только порочным кругом: жить, чтобы работать — работать, чтобы жить.

Вот и получается, что невзирая на непогоду и подчас непроглядный туман движется телега издательства по ухабистой дороге, казалось бы вопреки логике и здравому смыслу. Мы, конечно не исключение. И наша маленькая издательская тележка, скрипя неподмазанными втулками колес, тянется по чуждым дорогам к разбросанным по всему миру родным огонькам и, утешая себя надеждой, что наша работа еще нужна, подпираем мы эту тележку со всех сторон, чтобы она не рассыпалась на очередном ухабе. А ухабов все больше и больше. Самые плохие из них это материальные. Все казалось бы хорошо. И друзья нас не забывают и материалы для издания имеем и идей много, что и как надо сделать, а вот типография увеличила ставки, которые свели на нет недавнее наше увеличение стоимости подписки. Типографию мы понимаем — правы они, но мы то опять у разбитого корыта. Остается нам одна возможность — уменьшить объем журнала. Это значит что авторам придется дольше ждать очереди попасть на страницы журнала, читателям меньше читать, зато редактор и корректоры будут дольше отдыхать. Есть правда еще одна надежда, хотя и безнадежная. А вдруг случится неслучаемое и все наши представители и друзья увеличат число постоянных подписчиков. Всего только на сто человек. И тогда здоровый и пузатенький журнал снова появится на Вашем столе. А ведь это возможно. Есть же в наших объединениях около ста членов, а представители распродают только около 40 экземпляров. Почему же неграмотны остальные шестьдесят. Всего ведь один доллар в месяц. Давайте все подумаем об этом. А пока не обезсудьте, если журнал из-за инфляции будет худенький. **Н. В. Козякин.**

В. Глинин.

Пути славян и истоки Государства Российского.

(По археологическим и историческим источникам).

"Врешь как историк!", говаривал Петр Великий и пускал в ход свою дубинку.

Посвящается памяти старшего однокашника моего М. Каратеева.

Примерно в десятом тысячелетии до Р. Х. по мере таяния льдов, покрывавших северную часть Европы, а также в связи с усыханием Сахары, населявшие сев. Африку, племена белой расы начали просачиваться в Европу через Гибралтар и Сицилию по суху, т. к. в то время на месте проливов были узкие перешейки. Они-то по всей вероятности и были поселенцами и аборигенами Европы, о которых у нас имеются весьма скудные сведения.

За три тысячелетия до Р. Х. передовые племена индо-европейцев покинули поля теперешнего Туркестана и достигли Анатолийской возвышенности Малой Азии, где и основали свою империю Хиттитов, просуществовавшую около тысячи лет. Империя эта с успехом соперничала на культурном и военном поле с Египтом. Восточная часть населения того государства сохранилась до наших времен в лице армян имеющих все черты древних хиттитов.

Часть индо-европейцев свернула на юг, часть осталась в Иране, другие достигли Индии.

Около XXV в. до Р. Х., теснимые с востока подходящими новыми племенами, индо-европейцы продолжают свое движение на запад по берегу сев. Африки через Гибралтар, Сицилию и Апенинский полуостров, а также через Балканы и Кавказ и распространяются по Европе.

По всей видимости племена Кельтов первые заселили западную Европу: теперешние Испанию, Францию, Англию, Италию, западную Германию и Далмацию. За ними двигались, повидимому через Балканы Германские племена, осевшие в рай-

оне между Рейном и Эльбой, где они смешались с бывшими там уже Кельтами.

За ними следом пришли Славяне и осели первоначально в районе средн. и нижнего Дуная. За Славянами двигались, родственные им Греки, оставшиеся в Малой Азии и на юге Балканского полуострова. Следует заметить, что древний греческий и древне славянский языки были близки между собой. Может быть, до какой-то степени можно этим объяснить и общность алфавита. К тому можно добавить что и древние Кельты пользовались греческими письменами.

К XX в. до Р. Х. Славянские племена распространились на север до берегов Балтийского моря, на запад до линии Лаба (Эльба) — Триест. На востоке осели сначала на Карпатах, распространились по берегу Черного моря до Волги и на северо-востоке дошли до Ладоги.

Около XVIII в. до Р. Х. Славяне в районе Дуная — теперешней Панонии, освоили бронзу и первые начали ковать мечи с длинным клинком пригодным для того, чтобы им рубить, а не только колоть, как было у египтян, греков и римлян. Тип того меча и боевой топор очень быстро распространились по всей Европе, дав ей в дальнейшем преимущество перед Азией.

Расселение Славян по Европе редко происходило передвижением целых племен, а обычно какая-то часть племени выселялась в поисках свободных мест. Таким образом мы обнаруживаем Русинов на среднем Дунае, к северу от Бодричей и на острове Ругене — Руги или Руси, на Карпатах — Карпы или Русины. Сербы к югу от Дуная, на Лабе, в районе притока Лабы Лужицы (Шпре) — Лужичкие Сербы и на Карпатах. Хорваты на Дунае, в Моравии, на Висле. Словени на северо-западном углу Балканского полуострова и в районе оз. Ильменя — Новгородцы. Ко времени образования Римской Империи Славяне занимали огромное пространство от Лабы до Волги и от Балкан до Балтики и Ладоги. Все эти славянские племена занимались главным образом земледелием, ремеслами, рыбной ловлей и охотой. Строили города и жили патриархальной жизнью по своим обычаям и законам, более или менее общим для всех Славян. Это были отдельные племенные государственные образования, управлявшиеся своими князьями.

Народы тех времен легко смешивались между собой, может быть благодаря отсутствию национального антагонизма.

В 109 г. до Р. Х. часть германского племени Тевтонов и славянское племя Кимры перешли Рейн на запад. Тевтоны расселились между Кельтами на территории современной Франции, а Кимры прошли дальше за Пиренеи и осели среди Кельтов в современной Испании. Вообще можно смело утверждать, что на территории Европы нет ни одного народа в жилах которого не текла бы большая или меньшая часть славянской крови и, пожалуй, наиболее чистыми в «расовом смысле», несмотря на все перипетии судеб, являются восточные Славяне, — Поляки и Русские.

В восточной Европе, на территории нынешней России, между Дунаем и Днестром находилось славянское племя Гетов. Западные историки присваивают им имя скандинавских Готов по созвучию и еще по одной, пожалуй, главной причине. Может ли просвещенный европеец допустить, что славяне Геты в дальнейшем, уйдя на запад, основали свои государства: Ост-Геты (Готы) в Италии и Вест-Геты (Готы) в Испании? По сев. берегу Черного и Азовского морей, в степной полосе находилось большое и сильное племя Роксолане, на Крымском полуострове Тавры, к северу от Роксолан обретались многочисленные Анты и к западу от них в Карпатах Карпы-Русины. К северу от Ант, в южной части лесной полосы от Карпат и до верховьев Дона были расположены Невры, в районе которых был город Сар, где позже вырос Киев. К югу от Рижского залива и на восток находились племена Борусень (Бор-русен) предки будущих Пруссов (Порусень), говоривших до онемечивания на славянском языке, и Белорусов. Еще к северу распространились пришедшие Славени. По юго-восточному берегу Балтики были Леты, Эсты, Меря и Чудь, — монголо-финские племена. На всем севере и востоке были разбросаны фино-монгольские племена. В Таврии и вокруг Азовского моря были разбросаны греческие города-колонии (См. карту № 1).

Все эти юго-восточные славянские племена назывались греками общим именем скифы, что значит — одетые в кожу. (В рукописи, находящейся в Тифлисском Сионском соборе, мы читаем: «В 622 г. Ираклий — Визант. император — за большую сумму денег уговорил скифов, которые суть русские, не тревожить империю и потом отправился отомстить Хосрою». [Персид. царю]).

Позже, когда римляне распространили свои владения до берегов Черного моря они называли эти славянские племена

сарматами. Эти два разных имени одного и того же народа славян внесли в дальнейшем большую путаницу в понимание нашей истории. Надо добавить, что, аналогично, римляне называли все жившие к северу от них народы, не входившие в орбиту их культуры, — варвары,большую часть которых составляли славяне, на чьих землях были римские владения и которыми римляне пополняли число своих рабов. С германцами римляне имели соприкосновение в районе нынешней Швейцарии и вдоль Рейна.

Обосновались все эти праславянские племена, — предки народа Российского на территории современной России с XV в. до Р. Х. Жили они и развивались спокойно до VII в. до Р. Х., когда настоящие скифы-иранцы, монгольского корня, пройдя через Кавказ, на пять веков захватили земли южных славян. Часть населения была порабощена, большая часть ушла за Дон и на север, где и осели. Во II в. до Р. Х. князь этих славян (сарматов) перешел Дон и почти уничтожил скифов-иранцев, прогнав остатки их в Добруджу.

В IV в. с востока нахлынули гунны, уничтожившие южно-славянскую Державу, и прошли в Европу. Приволжские сарматы-славяне, теснимые гуннами, прошли до Днепра и там слились с Полянами. — «Князь Хорват поселился с Русью... и с ними утворил Русколань, которые осели у Киева. — Иной земли искать не будем, а будем с Русью, та бо есть мать наша» — говорит летопись того времени.

В конце VI в. в Приднепровской Руси избирается князем Кий, построивший крепостные стены Киева, превратив его в крепость. После Кия наследуют княжеский престол: Лебедян, Варен, Сережень... Последние князья Киева Аскольд (Николай) и Дир, принявшие христианство, были убиты после объединения Новгородской Словении и Киевской Руси в 882 г. Олегом.

В конце VIII в. Крымом завладевают Хозары, но ненадолго. Вскоре южно-русский князь Бравлин захватывает Крым — и греческие колонии и сам в начале IX в. принимает христианство. В это время и было написано Корсунское Евангелие на русском языке и русскими письменами.

В VI в. северная часть русских славян — словени на р. Волхове в Новгороде избирают князем Вендала, династия которого длится до IX в. и оканчивается Гостомыслом ум. в 859 г.

В конце VIII в. нурманы-викинги захватывают Новгород и облагают словен данью пока их новгородцы под водитель-

ством Гостомысла не изгоняют из своих пределов.

В 859 г. после смерти Гостомысла, нурманы в количестве 10000 викингов на 70-ти даккарах (лодьях), под начальством 23 ярлов, благодаря измене опять захватывают Новгород. Попытка захватить с налета Псков была отбита с большим уроном для нурманов. В намерение нурманов на этот раз входило основать там свое государство, поработив местное население.

Продержались они до лета следующего года, почти все были уничтожены земским ополчением под предводительством Гюряты. Из нурманов избежали гибели только четыре даккара с ярлом Ролло, будущим завоевателем Нормандии, ушедшим до наступления катастрофы. Спаслось еще пять человек, добравшихся через год до берега Балтики и, подобранных проходящим даккаром.

Все это происходило за два года до так называемого «призвания варягов-скандинавов»! Есть над чем задуматься?!.

Варягами у нас в то время называли всех с южного славянского побережья Балтийского моря, занимавшихся торговлей и продававших свой меч — наемников. Скандинавы называли их "varing" — и были их заклятыми врагами. Скандинавы сравнительно редко нападали на славянское-варяжское побережье Балтики, ибо часто бывали биты. Они больше сосредотачивали свое благосклонное внимание на побережье западной Европы и доходили и до Аппенинского полуострова. Недаром в церквах западной Европы возносилась специальная молитва: «...избави нас, Боже, от ярости Норманов».

К IX в. славянские племена были распределены следующим образом: от Лабы (Эльбы) на восток и юг, между средним течением Лабы и Балтикой — Бодричи (район теперешнего Мекленбурга), севернее их по морю и на острове Ругене — Руги или Русы. К югу от Бодричей по среднему течению Лабы — Лютичи, в бассейне притока Лабы Лужицы (Шпре) — Лужичкие Сербы, онемеченные села их остались до нашего времени и население их сохранило сербские имена. Еще южнее между Лабой и Одрой (Одер) — Лангобарды — германского корня, ушедшие позже в северную Италию. По верхнему течению Лабы — Чехи или Богемы и к востоку от них Моравы. По Дунаю Герулы и восточнее их Даки, покоренные монголами, теперешние Венгры. К югу от Герул — Русины, а еще южнее, к северу и востоку от Истрии — Словени. На восток от Русин — Тепиды по среднему Дунаю. К востоку от

Словен по р. Драве и Саве — Хорваты, восточнее и южнее — Сербы и к югу от нижнего Дуная — Болгары.

По берегу Балтийского моря между Одрой и Вислой — Поморяне, южнее их Вандалы, ушедшие в верховья Рейна. В бассейне Вислы — Ляхи и к северу от них по берегу моря Пруссы (Порусень). К югу от Ляхов — Бужане, на Карпатах — Русины. Между Карпатами и Днепром — Поляне — Киевская Русь.

Дальше к востоку от Ляхов — Ятваги. По р. Полочи — Полочане, в районе озера Ильмень и до Сев. Двины — Новгородцы-Словени. К югу от Новгородцев Кривичи, еще ниже Дреговичи и между ними и Полянами — Древляне. К востоку от Дреговичей — Радимичи, в бассейне р. Десны — Северяне, а еще дальше по р. Оке — Вятичи. (См. карту № 2).

Северо-восток был редко населен монголо-финскими племенами. На юго-востоке между Днепром и Волгой и дальше на восток — тюркские племена.

Итак к IX в. на территории России были два отдельных, но родственных государства: на севере Господин Великий Новгород — Словени, и на юге Киевская Русь, каждое со своими династиями князей. (Соловьев).

Религия восточных славян-русов в основных своих положениях имела сходство с христианством; единобожие, вера в Троичность, бессмертие души и загробная жизнь.

Древние русы принимали три основных субстанции мира: Явь, Навь и Правь. Явь — это видимый материальный, реальный мир.

Навь — это мир нематериальный, потусторонний.

Правь — это истина или закон Сварога, управляющего всем миром.

Бог назывался также Триглав — это был триединый Бог в трех лицах: Сварог и порождение его Светозар и Световид. Все остальные боги и божки являлись, как бы, отражением единой всемогущей силы. Кроме светлых богов добра был также и Чернобог, бог мрака и зла.

После смерти душа, покидая Явь, переходила в Навь. Некоторое время странствовала пока не достигала Ирия-Рая, где пребывал Сварог, Сварожичи и предки.

Любопытна одна подробность этого верования. Душа может из Нави, где она пребывает, вернуться опять в Явь, но только по тому пути по которому она вышла из Яви. Потому существовал обычай выносить покойника через пролом в стене,

который сейчас же заделывался, чтобы душа не могла возвратиться и беспокоить живых людей. Так был вынесен и Владимир Святой.

Понятия ада не существовало. Религия древних русов была монотеистичной. Бог — творец мира признавался единой, всемогущей сущностью.

Русы жили в природе, не отделяя богов от сил природы, но они не персонифицировали своих богов, — у них не было кумиров или храмов, храмом был весь мир. Идолы появились уже в X в. под влиянием Запада. Никаких человеческих жертвоприношений не было. В жертву приносили плоды, цветы, молоко и, редко, ягненка.

Законодательство старой Руси было весьма древним и совершенно самобытным и, никаких следов скандинавского влияния или какого-либо другого чужого не обнаруживается. Смертная казнь отсутствует. Одним из ярких примеров служит береговое право западной Европы того времени, где потерпевшие крушение, со всем имуществом становилось собственностью владельца берега. На Руси было противоположным, — потерпевшим крушение предписывалось оказывать всяческую помощь и покровительство. Были также статьи о покровительстве домашних животных, чего не было на Западе.

Государственный строй был вполне установившимся, — власть осуществлялась князем. Все формы государственного порядка не носят никаких следов скандинавского и какого-либо другого чужого влияния. В Скандинавии они в то время были совершенно примитивны и произвольны.

Военное дело никакого иностранного влияния не обнаруживает, а уж казалось на этом поприще оно должно было бы сказаться. Ведь, если норманы организовали наше государство и были административным и военным хребтом Руси, то естественно ожидать, и в организации военной силы, и в вооружении скандинавского влияния и названий. Но ни в военной иерархии: воевода, старшина, тысяцкий, подвойский, мечник, лучник и т. д., ни в вооружении: меч, топор, секира, копье, палица, лук, стрела, кольчуга, броня, никаких иностранных слов не намечается.

Тактика ведения боя всегда оставалась русской. Германцы и скандинавы применяли построение клином, в то время русы строились большим полком с двумя крыльями и засадным полком (резервом).

Как мореплаватели скандинавы славились издревле. Однако

морские термины у русов-славян свои: лодья, челн, струг, насад, ушкуй, паузок, уключина, пря (парус), весло, корма, нос, палуба и т. д., или греческие — корабль, якорь, парус, шаланда... Русы и греки плавали по Черному морю издревле.

Торговля скандинавов дальше Новгорода и Пскова не проникала; торговали они, главным образом в Европе награбленными товарами и закупали зерно, мед, воск, меха и т. д. С Византией вели торговлю русы и никакой транзитной торговли скандинавов не существовало.

Ремесла в древней Руси стояли на очень высоком уровне, что подтверждается археологией последнего времени, а также византийскими летописями и изделия русов и словен высоко ценились повсюду, а металлические изделия проникали далеко на запад и доходили до Франции. На высоком уровне стояла техника гончарного дела. С древних времен употреблялялся гончарный круг, который в Скандинавии был введен в употребление только в X-XI веках. Особенно славились резьба по дереву и чернь на серебре.

Строительство оставалось чисто местным и никаких построений иностранного типа не обнаружено.

В быту, как и в войсках, не встречается никаких скандинавских названий.

В языке того времени не обнаруживается скандинавских слов за исключением трех и то весьма спорных.

Грамотность была широко распространена в древней Руси.

Уже с первых веков есть памятники письменности. Славяне пользовались греческими письменами, приспособленными к славянскому языку. Этими же письменами пользовались и древние Кельты. Если вспомнить близкое племенное родство Греков и Славян, то можно высказать предположение, что где-то в глубине веков письмена были общими.

Из Паннонского жития Св. Кирилла мы узнаем, что он был послан в Крым в IX в., где он нашел Евангелие и Псалтирь, написанные «русскими письменами» на славянском языке, по всему вероятию для русского князя Бравлина, принявшего христианство в начале IX в. Вот эти-то письмена и были взяты им в основу азбуки «Кириллицы» и приспособлены к современной ему фонетике. Образцы этих письмен мы можем видеть во Влесовой летописи VI в. и в настоящее время найденных, в России дощечках.

В Ватикане хранится образ Христа на полотенце и на нем надпись: «IC-XC» и «ОБРАЗЪ ГСПДН НА УБРУСѢ». Образ первого века.

Там же хранится икона Ап. Петра и Павла, первых веков. На верху образ Спасителя с надписью «ІСХС», а справа и слева надписи: «СТЫ ПЕТРІ» и «СТЫ ПАВЬЛЬ». Все надписи русскими письменами.

Все это, приведенное выше, показывает на каком высоком уровне культуры того времени находились наши предки, и, я не могу допустить, чтобы их «передовым» людям могла придти в голову такая шалая мысль, как отдать свою землю на произвол скандинавских грабителей, славящихся своей кровожадностью и жестокостью. Тем более, что прошло всего два года после того времени, как нурманы имели возможность на самих новгородцах проявить свои варварские особенности.

История Зап. Европы развивается следующим образом.

С 100 г. до Р.Х. римляне начинают завоевывать территорию нынешней Франции, — Галлию, как они называли эту свою провинцию, населенную Кельтами с небольшой примесью германцев, и постепенно переходят в Англию и доходят до Шотландии. На юге они распространяют свое владычество на Иберийский полуостров (Испанию). Восточная граница римской провинции Галлии шла по Рейну, к востоку от которого находились германские племена: Фризы, Франки, Аланы (славяне), Аллоны, Алланвил, Готы, Гирвиль, Геукс, Сармаиды, Аллеманы, Аменакорт, Вандалы (славяне), Гандалу, Маркоманы, Саксы, Сиддоны, Англы, Юты и т. д. Все эти племена в течение всего времени владычества Рима постоянно просачивались и селились на территории Галлии, основным населением которой были кельты с верхним слоем римлян. Кроме германцев в большом числе, там были еще славяне и на юге греки. Это был конгломерат народов, приявший римскую культуру и латинский язык.

Латинский язык был государственным языком Римской Империи. Это был язык одного из небольших Индо-Европейских племен — Латин, в древности на ряду с Этрусками осевших в центре Аппенинского полуострова. На базе культуры Латинян и развилась позже Римская культура.

С 300 г. Рим начинает уводить свои легионы из Галлии вследствие своей внутренней слабости. Воспользовавшись этим, германские племена Франков, Аллеманов, Бургундов и частично Швабов переходят неохраняемую более границу по Рейну, занимают всю Галлию и основывают свое Франкское государство. Германцы сами принимают римскую культуру и

латинский язык. Государство Франков со временем разделяется на Западное и Восточное.

В 477 г. Князь Русинов Одоарк в содружестве с другими славянскими племенами покорил римскую провинцию Норик (Панония), дошел до Рима и взял его. Римский сенат провозгласил его императором. Русский князь Одоакр был последним римским императором.

В 493 г. князь Ост-Геттов Теодорик занимает Аппенинский полуостров, низлагает Одоакра и основывает там свою империю Ост-Геттов (славян).

В V в. одновременно с движением Франков и Аллеманов в Галию,германские племена Англов и часть Саксов перешли пролив и распространились в Римской провинции Британии, где дошли до Шотландии. Смешавшись с основным населением Кельтами, они образовали Англо-Саксонское государство.

К 800 г. восточная граница Франкской империи Карла Великого шла примерно по линии Лаба (Эльба) и до Истрии, приблизительно соответствуя западной линии распространения славян.

С этого времени, в сущности начинается история Германии, когда Саксонцы восстали против Карла Великого и в результате этих войн империя Франков разделяется пока на Западную и Восточную. С 1097 г. государства эти окончательно порывают взаимную связь и становятся Францией и Германией.

Мы видели раньше этнический состав Франции. Современная германская народность в основе своей состоит из смеси: на юго-западе Кельты и Римляне, на северо-западе Германцы и Кельты, центральная и южная Германия, — Славяне, Кельты и немцы, юго-восток Славяне и Кельты, на востоке Славяне и немцы. Можно смело утверждать, что немецкая народность состоит на 30% из Германцев остальное Славяне и Кельты.

Если говорить об этническом составе западной Европы, то намечаются три основных группы индо-европейских племен, это Кельты, Германцы и Славяне, легшие в основу почти всех наций и еще частично семиты; Арабы на юго-западе и Евреи, расселявшиеся по мере расширения границ Римской Империи и, в какой-то степени, можно упомянуть и монголов.

Скандинавия кроме первоначального населения, появившегося там после таяния льдов и частично дошедших туда Кельтов, получила свое основное население из распространившихся там Германцев, частично впитавших в себя северо-запад-

ных Славян и Кельтов. В IX в. страна бедная плодами земли с редким населением, суровым климатом. Береговая линия необычайно изрезанная с узкими длинными заливами-фиордами, дававшими надежное убежище морским грабителям-викингам. Хозяином фиорда был ярл, — неоспоримый господин. На службе у него были воины-гребцы викинги (vic — грести) и рабы, плененные в разных странах. Вот эти-то ярлы с викингами и совершали на лодьях-даккарах походы, грабя всю западную Европу. И только к концу IX в. появляется достаточно сильная центральная власть, постепенно прибравшая к рукам буйных ярлов.

Верование скандинавов-нурманов того времени мало чем отличалось от верования германцев. Они поклонялись богу Вотану или Водану, отцу богов и людей фиордов. Для них он открыл Валгаллу и ждет в ней тех, кто умирает в битвах. Люди фиордов — племя богов. Все другие рождены волей низших богов — они ничто. Быть сильным и причинять другому боль и горе, — в этом высшая радость героя. Мир принадлежит тем, кто храбрее и сильнее. Рабы бесправны, жизнь их равна рыночной цене. Они вещь, долженствующая работать и не достойная никакого сожаления, если она не полезна. Как все это напоминает расовую теорию Третьего Райха, теорию избранного народа. В Скандинавии процветало рабство и широко практиковались человеческие жертвоприношения.

Справедливость требует заметить, что рабовладельчество в католической Европе процветало и во времена Венеции и Людовика XIV. На их галерах гребцами были рабы-славяне, главным образом русские, продаваемые татарами Крыма и турками в рабство просвещенным христианским европейцам.

Вот в общих чертах то состояние, в котором находилась Европа и восточные (русские) славяне ко времени так называемого «призвания Варягов». На землях нашего Отечества к тому времени были вполне сложившиеся славянские государства, не уступавшие по организации и быту своим западным соседям.

Скандинавия, которой норманисты приписывают правовые таланты, за исключением редкого мирного населения земледельцев, существовала морским и сухопутным разбоем и работой рабов. В культурном отношении представляла страну на много более низкой ступени, чем Новгород. Германцы находились за Лабой, еще только начиная захват западно-славянских земель.

Современная историческая наука объясняет призвание Рюрика следующими фактами.

В 862 г. в северо-западном углу славянского расселения на о. Ругене и в теперешнем Мекленбурге обретало вместе с Ободричами племя Ругов (как их называли немцы) или Русов. Князь их был женат на дочери последнего Новгородского Князя Гостомысла — Умиле. Сыновья Гостомысла погибли молодыми. Сын Умилы и Князя Ободричей Готлава Рюрик или Ририк и был позван новгородцами княжить у них, как внук Гостомысла, как естественный наследник старой новгородской династии. Хочу еще раз напомнить, что выходцев из южного-славянского побережья Балтики у нас на Руси называли варягами, отличая их от нурманов-скандинавов.

Любопытно, что француз К. Marmier "Les lettres sur le Nord" изд. в 1840 г. среди песен, легенд и обычаев Мекленбурга записал сохранившуюся до того времени, легенду о призвании трех сыновей князя Ободричей Готлава на Русь.

Призвание Рюрика было скорее эпизодом местного значения Новгорода, и только при сыне его Игоре (и наместнике Олеге), при распространении власти этой Новгородской династии на Киевскую Русь, получило значение обще-государственное, ибо послужило основанием одного славянскаго Русского Государства, имевшего все возможности для своего развития в дальнейшем. Никто из князей этой Новгородской династии не был норманом, все они создавали, расширяли и защищали Русь, делая чисто русское дело.

Думаю, что в связи с отсутствием какого-либо влияния норманов у нас на Родине, весь вопрос о происхождении варягов-Руси не имеет существенного значения в нашей истории, за исключением позже искуственно созданной нашими немцами теории норманизма.

Не удивительно, что «немецкая теория» нашла благоприятную почву на Западе. Ссылаясь друг на друга, как на исторические авторитеты многие отечественные и западные историки, как тенисным мячом, перебрасываются сомнительными утверждениями основанными не столько на фактах, сколько на домыслах Петровских академиков.

Историк С. Соловьев еще в 1874 г. писал:

... «Название Русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, Русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями».

Однако в Британской Энциклопедии мы читаем:

... «Русские племена были организованы в союзы или княжества, когда в первой половине IX в. вторглись новые завоеватели — Русь, Варяжское племя, в старых анналах считавшееся родственным Шведам, Англам и Норманам. Оба Русь и Варяги были известны византийским летописцам, вначале как норманские пираты, а затем как воины, служившие в Императорской Гвардии... Русская легенда говорит, что Русь вначале была призвана в Новгород местным населением, чтобы прекратить взаимную рознь. Рюрик (Hroerek) был первым (полулегендарным) князем Новгорода, но его компанионы направились ближе к Византии и Олег (Helgi) обосновался в Киеве»...

И дальше, перелистывая страницы иностранных историй, легко убедиться во что вылилась «наша норманская теория», пройдя через призму толкования историков некоторых стран:

Энциклопедия военной истории от 3500 до Р.Х. и до настоящего времени. R. Ernest Dupuy and Trevor N. Dupuy пишет:

«Происхождение влияния Норманов в России не совсем ясно. Повидимому завоеватели из Швеции проникли далеко вглубь от Балтийского моря в середине IX столетия. Вскоре после этого Рурик, полулегендарный предводитель Русов, Варяжского племени Шведов, объявил себя правителем Новгорода (862) и через несколько лет норманское управление распространилось дальше до Киева (865). К концу столетия (880) Киев стал главным городом обширной империи Варягов, простирающейся от Финского залива до сев. Украины и Карпат. Варяжские завоеватели достигли Черного моря и предприняли первую попытку нападения на Константинополь (865)».

Г. Вернадский, проф. Йельского Университета, США в своей книге (на англ. языке) «История России» пишет:

... «Русское государство возникло в западном углу, часть которого мы называем Евразия, где по крайней мере в III в. территория между Балтийским морем, Доном и Черным морем и Дунаем была частично освоена восточно-славянскими племенами. В течение VIII и IX веков эти племена были объединены Норманами, которые проникли туда через Балтику, это событие принято считать как время основания Русского Государства. Фактически, политическая жизнь на территории занятой восточными Славянами началась гораздо раньше в южной России в общественной и политической форме группируемая вокруг торговли между лесной полосой и лесным и

...Норманы или викинги (говорится дальше), как иногда называли, давно уже приобрели репутацию неустрашимых моряков, грабителей, купцов и исследователей. Уже раньше в VI и VII в. Шведы частично исследовали восточные берега Балтики и в связи с этим поднимались по водному пути Двины (западной видимо?), достигали русской «Месопотамии» — район верхней Волги и Оки. Около 700 г. они обосновались около Ярославля, Ростова и Суздаля где приняли участие в управлении Финскими племенами совместно со славянскими поселенцами из Новгорода и Смоленска»...

Далее Вернадский пишет, что торговый путь между сев. Русью и Таманской Русью был прерван Хозарами и нужно было посылать военную экспедицию.

... «но повидимому на северной Руси не было достаточно Норманских войск для большого предприятия. Эта недостаточность военной силы повидимому и была причиной «призвания Варягов из-за моря», которое в течение веков считалось «началом Русской истории», согласно традиции в 862 г., а на самом деле в 856 г. Призыв был отвечен Рюриком — в франкских анналах Рорик — известным Норманским искателем приключений и разбойником, который как вассал импер. Лотара был правителем Ютландии и Фризии...».

Блестящие перлы мы находим в Краткой истории Швеции Raenar Svanstrom, Ph. Lic. and Carl Fredric Palmstierna Ph. D. —

«Шведы с ранних времен имели своего рода связь с землями по другую сторону Балтики, но с IX в., и далее, шведская деятельность в этих водах вступила в особенно оживленную фазу. В середине этого столетия Шведская империя, основанная викингами, разрослась вокруг Балтики, хотя следы ее теперь только слабо различаются. Это и послужило базой для дальнейшего распространения, во время которого Шведы оказались основателями Русской Империи. В одной старой русской хронике, которая приписывается монаху по имени Нестор, повествуется, как в 859 г. варяги, — этим именем Нестор обозначает Норманов, прибыли из-за моря и потребовали дани. В 862 г. они были изгнаны и население земли начало управляться само. Но закон и порядок были попираемы ногами, началась междуусобная война и они решили поискать себе князя, который бы управлял и судил их. Тогда они отправились через море к Руси и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а **порядка** в ней нет, придите управлять и владеть

нами». Три брата были выбраны, среди них Рюрик, который обосновался в Новгороде и стал государем всей России. Некоторые из его людей покинули его и направились в Константинополь, но по дороге завладели Киевом и остались управлять им. Таково повествование Нестора об основании Русской Империи. Таким образом его Русь, откуда произошло имя России, значит «шведы» и с лингвистической и других сторон не вызывает сомнения. Но с другой стороны это совершенно невероятно, чтобы Шведы были призваны. Более вероятно они явились, как завоеватели, основав два царства, одно на севере, со столицей в Новгороде и другое на юге вокруг Киева.

После смерти Рюрика, в конце IX в. эти два царства соединились в одно и послужило основанием Русской Империи. Россия стала мировой силой и столетия была ожесточенным врагом Швеции, а ведь это была в оригинале только Шведская колония.

Варяги управляли подвластным народом железной рукой. Крепости были основаны по всей земле откуда шведские правители держали окружающий район под своим контролем, и пополнения молодыми искателями приключений постоянно прибывали из Швеции. Это было очень кстати, потому что дух завоеваний не угас еще в Варягах. Они были готовы к новым авантюрам и их манил Константинополь — Византия.

Одно древнее предание рассказывает как сильный флот Викингов, пересек на парусах под сильным ветром бушующее Черное море. Это был Олег, правитель Варяжского царства, на его пути сразиться с Императором Восточного Рима. Он достиг Босфора, высадил свою армию и двинулся вперед к Константинополю, грабя и убивая.

Варяжское царство в России поддерживало тесные сношения со Швецией до середины XI века. После этого, пути этих двух государств расходятся. Славянский элемент получает преобладание в Русском царстве и связи, скреплявшие его раньше со Швецией, ослабевают. Но вплоть до 1578 г. цари бывшие на троне России были по отцовской линии происхождением от Рюрика».

Но трудно себе представить что-либо более гнусное, чем умствования наших изобретателей норманизма академиков Российской Академии Наук немцев Августа Шлёцера, Фридриха Миллера и Готлиба Байера. В писаниях А. Шлёцера о славянах мы читаем:

... «конечно, люди тут были Бог знает с которых пор и откуда сюда зашли, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которыми изобиловали их леса. Они не отличались ничем, не имели никаких сношений с южными народами и потому не могли быть замечены и описаны ни одним просвещенным европейцем. На всем русском севере не было ни одного настоящего города. Бреднями старух являются и все рассказы о том, что до Рюрика существовали новгородские князья и киевские государи. Дикие, грубые и разъединенные славяне начали делаться общественными людьми только благодаря германцам, которым было назначено судьбой посеять у них первые семена цивилизации».

И не даром, критикуя работу немцев «академиков» А. Шлёцера и Ф. Миллера, Ломоносов писал: «Сие так чудно, что если бы г. Мюллер умел изобразить живым штилем, то бы он россиян сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».

Про Шлёцера он писал: ... «из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая, допущенная в них скотина».

Статья эта не претендует на исторические изыскания. Это только описание того, что я вынес после чтения разных исторических книг, и чем я хочу поделиться с читателями. Прежде всего я хочу смотреть на наше Отечество русскими глазами, а не судить его историю по произволу «просвещенных» европейцев.

Итак, если где ошибся, — то по неведению, а не — «вралъ как историк».

Рекомендую прочесть статью М. Каратеева в № 20 «Переклички» и его книгу «Из нашего прошлого».

В. Глинин
Вып. 28 г. К.К.К.

ИСТОЧНИКИ :

THE MIDDLE AGES
Edward Maslin Hulme, Prof. History, Stanford Univ.
HERODOTUS, Book IV, The Hyperboreans.

ANCIENT TIMES
James N. Breasted
ENCYCLOPEDIA BRITANICA

THE TESTIMONY OF THE SPADE
Geoffrey Bibby.

ИСТОЧНИКИ (продолжение):

A SHORT HISTORY OF SWEDEN
Ragnar Svanstrom, Ph. Lic. and Carl Fredrik Palmstierna, Ph. D.
THE GERMAN PEOPLE
Veit Valentin
AN OUTLINE OF FRENCH HISTORY
René Sédillot
HISTORY OF RUSSIA
G. Vernadsky, Prof. Yale Univ.
THE ENCICLOPEDIA OF MILITARY HISTORY
From 3500 B. C. to Present.
R. Ernest Dupuy and Trevor N. Dupuy.
УЧЕБНИК РУССКОЙ ИСТОРИИ
Проф. С. Ф. Платонов.
ИСТОРИЯ РОССИИ
В. Соловьев.
ИСТОРИЯ РУССОВ В НЕИЗВРАЩЕННОМ ВИДЕ
Сергей Лесной.
ПЕРЕСМОТР ОСНОВ ИСТОРИИ СЛАВЯН
Сергей Лесной.
НАЧАЛО ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА
Гр. Янушевский.
ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО
М. Каратеев.
ОЧЕРКИ ПО ПРЕИСТОРИИ РОССИИ
Прот. С. Ляшевский.
РУСЬ ОТКУДА ТЫ?
Сергей Лесной.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ.

Борис К. Ганусовский

1.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

(О тех, кого предали)

Конец второй мировой войны захватил 15-ый Кавалерийский казачий корпус, в котором служил и я, в Югославии недалеко от австрийской границы.

Путь отступления привел нас в Каринтию, в это время уже находившуюся в английских руках. Расположились точно по приказанию английского командования. В нашем корпусе была железная дисциплина, подкрепленная чувством дружбы между бойцами и особо хорошим отношением между ними и командованием.

Последним местом расквартирования моей части был Клейн Сант Паул, небольшое селение вблизи Сирница и Вейтенсфельда.

Офицеры английской дивизии, расположенной там же, часто приходили к нам в гости. Они относились к нам по-дружески, пили с нами «шливовицу», югославскую сливовую водку, красное вино и ели с удовольствием вяленое мясо, привезенное нами в телегах наших обозов. Самым излюбленным для них было выпросить для прогулки верхом наших, зачастую кровных, лошадей.

Среди этих гостей — победителей было несколько побывавших в России во время гражданской войны и на севере и на юге, и они-то, весьма недвусмысленно, намекали нам на возможность продолжения войны против красных, на этот раз совместными силами С какой радостью мы откликались на эти намеки! Они-то и послужили главной причиной сохранения полного послушания и дисциплины в частях, состоявших большей частью из бывших подсоветских, изверившихся уже давно в чьих-либо обещаниях.

Нужно ли говорить, на какой невозможной смеси немецко-французско-русского языка объяснялись мы с англичанами, но доброе вино и добрые отношения развязывали языки, способствовали взаимопониманию и дружеским связям. Нам всем казалось, что жизнь снова нам улыбается, что не все потеряно и близок час...

28-го мая, командиру нашей бригады, полковнику Борисову было передано распоряжение английского командования подготовить всех офицеров к 8 часам утра 29-го мая к... перемене места пребывания!

— Положение немного переменилось и всех вас отвезут в один, специальный, офицерский лагерь на севере Италии, где вы сможете решить свою судьбу: — либо переселиться в заокеанские страны, либо вступить добровольно в ряды наших оккупационных войск, либо... вернуться на вашу родину — в СССР! Много вещей с собой не берите. Они вам не понадобятся. Что бы вы не решили — в немецких формах ходить вам не придется. Женщин и детей, поскольку они находятся при частях, тоже с собой не брать. Они будут отправлены отдельным эшелоном.

Какое-то темное чувство сжало наши сердца. Что-то было не в порядке. Казалось бы гладко и логично и вместе с тем, какая-то фальшь и обман скрывались в этих словах.

Выслушав англичанина, мы спросили его прямо и без обиняков, — не думают ли нас выдать коммунистам?

Англичанин поклялся нам своей честью английского офицера. Об этом не может быть и речи! Какая выдача! За кого мы считаем англичан и их союзников с запада? Это было бы варварством и даже хуже!

И все же мы не поверили его клятвам. Немного говорившие по-английски сказали ему это прямо в лицо.

Офицер ушел и вскоре привел нам своего военного священника, который поклялся нам в том, что Англия никогда не совершит такого позорного поступка.

Это нас успокоило.

Вспоминает ли теперь этот священник о своих словах? Грызет ли его когда-нибудь совесть? Знал ли он тогда правду, или и он был обманут и совершил грех по незнанию? Утром 29-го мая к нашему расположению подкатили машины. Мрачно и подозрительно смотрели казаки на разделение офицеров и солдат. Мы их старались, как могли, успокоить, тем более, что нам говорили эти же англичане, что бойцы будут отправлены вслед за нами, а затем последуют «чада и домочадцы».

Нас удобно, и не чересчур, густо разместили вместе с нашими вещами в английских грузовиках. Ничего подозрительного мы не замечали. Однако нам всем стало не по себе, когда к нам по очереди стал подходить английский капитан и вежливо беря под козырек, весьма настойчивым тоном повторял:

— Г.г. офицеры, вам больше не нужно оружие. Потрудитесь сдать ваши револьверы.

Мое сердце болезненно сжалось, когда я, отстегнув мой верный, безотказный «0,8» отдал его в руки англичанину. Мне вспомнились слова генерала А. Шкуро, сказанные им не так давно нашим казакам:

— «Ребята! Винтовки из рук не выпускайте!.. а то... вырежут!».

Когда окончился сбор оружия, офицер дал короткую команду, и к нашим грузовикам держа винтовки и автоматы на перевес, бросились английские солдаты, вскакивая по два на машины. Грузовики сорвались и помчались полным ходом, поднимая густую пыль по узким горным дорогам, так что с непривычки у нас дух захватывало.

По всей дороге, на протяжении 200 километров через каждые 50 метров стояло по два английских автоматчика, а через каждые 200-300 метров — английский танк.

Англичане показали себя мастерами предательства.

После нескольких часов головоломной гонки мы, наконец прибыли в город Юденбург. Казалось, что судьба сама выбрала и город и его название, подходящие для этого иудина дела.

Я не берусь сегодня описывать то, что происходило в машинах. Некоторых охватило полное оцепенение. Некоторые верили, что «нас крадут из под самого носа красных, чтобы спасти». Были случаи выпрыгивания из машин, кончавшиеся смертью (той или иной)...

Грузовики остановились на шоссе перед бетонным мостом через реку Мур, протекавшую глубоко в ущелье обрывистых и каменистых берегов. На другой стороне, на площади, перед каким-то заводом, виднелась толпа советских солдат. Видны были сжатые кулаки, которыми они нам грозили. Площадная брань и ругательства долетали до нас.

Английские солдаты окружили наши грузовики. Они что-то нам протягивали. Что-то кричали.

Сначала мы ничего не могли понять из невероятной смеси польского и украинского языков, но, наконец, нам стало ясно, что они хотят купить у нас наши часы в обмен на папиросы.

— Вшистко едно! Часы вам больше не нужны! — поясняли нам предприимчивые воины и для пояснения проводили ребром ладони по горлу или приставляли указательный палец к виску, весьма отчетливо щелкая средним и большим пальцами.

К горлу подступала тошнота. Вот первая машина рванулась вперед, переехала мост и развернулась. Из нее торопливо выскочили люди с вещами и окруженные советскими конвоирами пошли в заводские ворота. Грузовик двинулся обратно.

Дрогнула наша машина и подвинулась метров на десять. Стала. Двинулась вперед. Опять стала. Офицеры торопливо рвали документы, фотографии, письма. Ветер порывами разносил обрывки по дороге. Вдруг раздался страшный вопль. Из машины, переезжавшей в это время мост, выскочил один из офицеров, ласточкой перелетел через перила моста и с более чем 20 метровой высоты полетел головой вниз, в реку. Мы отчетливо видели, как он дважды перевернулся в воздухе и плашмя ударился об острые камни. Его тело дернулось и... застыло.

Можно ли сегодня говорить о всех наших переживаниях? Можно ли нас судить за бездействие? Не были ли мы такими же, как наши предтечи, офицеры белого движения, шедшие без сопротивления на расстрел? Говорил ли в нас русский фанатизм, гордость скрывавшая липкий тошный страх, или оцепенение вызванное предательством?.. Разве можно сегодня описать те мысли, которые роились в голове у нас в момент переезда через мост. Верили ли мы в предопределение? Надеялись ли мы на чудо или просто замерли и умерли духом, став автоматами.

Мне кажется, что в голове была пустота, тело поддалось оцепенению и запомнилась только одна, казавшаяся тогда особенно яркой мысль: — Это... переправа через Стикс!

Подобие улыбки почему-то застыло на моем лице и мой друг, верный друг юных дней и лет борьбы М., заметив ее, в каком-то ужасе спросил: — Ты... что это? Смеешься?

2.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

(И чего вы нас не завоевали?)

...Поздно ночью меня вывели из подвала и выдали какие-то жалкие остатки моих пожитков. После бесчисленных обысков и ощупываний началась погрузка в машины. Мы в это время были в Граце.

Я потерял счет дням. Дважды меня «пропускали через следствие». Теперь забавно вспоминать, что «следователи» интересовались не столько моими «военными преступлениями»,

как условиями жизни заграницей. Слушали внимательно. Покачивали головами. Угощали пивом. Мои рассказы приводили их в смущение и было видно, что многому они не верили и считали, что я «завираюсь». Это были простые офицеры, русские люди, фронтовики, которых, срочно протащив через трехнедельные курсы, за недостатком эмведистов сделали «следователями». Они цокали языками, закатывали глаза, вздыхали и я заметил, что особое недоверие у них вызвал рассказ о возможности свободного передвижения по государству вообще, а в частности — свободный выезд и переезд в другие страны.

... Какая же это «госзащита»! Эдак каждый шпион пробраться может и чего надиверсанить!

Спорить с ними и объяснять им всю абсурдность их «шпиономании» было и бессмысленно и опасно.

В ту ночь, когда меня подвели к машине я увидел целую группу наших офицеров. Мы все молчали. Молча грузились по особой системе. Отделили из толпы пять человек. Приказали влезть в машину и сесть на пол, облокотившись спиной на кабинку шофера, широко, циркулем расставив ноги. Следующая пятерка садилась у них между ног и так далее. В машину влезало по 30 человек. Человек? Нет! Жалких обломков потонувшего корабля.

Конвой с автоматами разместился в кабинке, частью на ее крыше. Старшой (фельдфебель) — начальник конвоя произнес полагающееся по закону предупреждение:

«Не поворачивать голов. Не разговаривать. Не вставать. Всякое нарушение этого распоряжение считаю попыткой побега и применю оружие без предупреждения!»

Возвращаясь мыслию и к этому моменту, часто, опять находясь на свободе, задаю себе вопрос: — почему так мало людей тогда смертью хотело купить избавление? На что мы могли тогда надеяться? На сохранение голой жизни в любых, даже бесчеловечных условиях? На какой-то логический исход? На освобождение? Или в нас говорила вера, запрещавшая нам самим распоряжаться своей судьбой?

Думаю часто, но, пожалуй, все пережитое еще так близко, что не дает здравому смыслу вынести какое-либо суждение.

... Много раз, тысячи раз впоследствии слушал я слова предупреждения, которые в советских лагерях рабского труда насмешливо называют «молитвой».

Читают его монотонно, заученно, без мысли и выражения

как будто бы за этими словами не скрывается коварство, кровожадность, беспощадность просто провокация и за ней — неминуемая смерть!

... Первый автомобиль тронулся. Мы были стиснуты так что не только шевелиться, но и дышать было трудно. За нами поплыли в клубах пыли остальные машины.

Наш начальник конвоя предпочел сидеть на крыше, чувствуя всю ответственность, несмотря на то, что в кабинке ему было бы удобнее и спокойнее. Он крепко сжимал в красных, рабочих руках автомат и бдительно следил за каждым нашим движением. Бесчисленные ордена и медали позвякивали на его груди.

По физиономии судя, по выражению глаз, это был добродушный рассейский мужичек лет 35. Он не выдержал долго своей роли — молчаливого и всевидящего аргуса. Еще бы! Первый раз в своей жизни он видел настоящих «контриков» — власовцев, белогвардейцев, «минигрантов». Его мучило любопытство. Наконец он не выдержал и обратился ко мне, сидевшему прямо под его ногами в громадных сапожищах.

— Эй, ты! — пхнул он меня носком. — Ты — что? Офицер?

— Офицер! — ответил я довольно спокойно.

Новый пинок носка после длительной паузы:

— Небось много наших пленных перестрелял?

— Мы не расстреливаем пленных...

— Ну, врешь! — А затем, подумав, добавил, — а откуда по-русски знаешь?

— Да я же русский, такой же русский как и ты!

Опять пауза и раздумье, а затем:

— Ага! Помещик! Крови не достаточно попил. Опять хотел у народа землю отнять и крепостное право завести!

Я ему ответил, что цели у нас были совсем другие. Так завязался наш длинный, трехдневный разговор. При каждой новой посадке фельдфебель следил, чтобы я попал в одну и ту же машину и всегда на то же место. Наш разговор продолжался. Я ему рассказывал почему мы одели немецкую форму, против чего и за что мы воевали. Говорил ему о том, как живут люди в свободных землях...

Старшина слушал меня внимательно. Уже давно прошла вся его суровость. Он угощал нас махоркой, вне очереди приказывал приносить нам воду. Совал в руку лишний кусок хлеба. Когда мы, полумертвые от усталости, бессонницы и жары прибыли в Темишвар (Румыния) и стали выгружаться перед

тюрьмой, он подошел ко мне и сказал:

— Ну что ж! Бувайте счастливы! — вздохнул глубоко и неожиданно прошептал, качая печально головой: — Эх, и чего вы нас не завоевали!

3.

ШЕМЯКИН СУД.

В камере — одиночке, расчитанной на одного преступника в цивилизованном мире нас оказалось 12 человек!

Компактность и однородность были нарочно разбиты. Я больше не был среди своих, власовцев, офицеров 15 корпуса. Смесь национальностей и положений, как во всех советских тюрьмах. Уголовники с политическими. Убийцы с невиновными. Общим у нас было моральное страдание и физические мучения, в которых не было недостатка.

Во-первых, — голод! Мы получали в сутки 400 грамм (1 фунт) черного, непропеченного хлеба и $^{1}/_{5}$ кварты грязной воды, почему-то называемой то «супом», то «чаем». Этот паек означал медленное умирание. В самое короткое время даже такая радость, как двадцатиминутная прогулка во дворе, стала непосильной и мучительной. Голова кружилась. Ноги подкашивались. Человек на лагерном жаргоне — «плыл». Это точное определение медленного колыхания, напоминавшего пароходную качку.

Дух, мораль, сопротивление, негодование, жажда свободы, все было убито. Все, вплоть до страха. Все мысли были сконцентрированы на еде. Все мечты. Все желания. Разговоры — только о еде. Бесконечные рассказы шепотом, кто, где, когда и что ел!

Выдумывают. Врут. Рассказывают, захлебываясь, о каких-то чудовищных яичницах из пятидесяти яиц и полкило сала, которые съедались в один присест, о котлетах величиной в две ладони... О деликатесах никто не вспоминает. Лишь бы было побольше, да пожирнее.

От этих разговоров чувство голода становилось еще сильнее, острее, нестерпимее. Жаловались тюремной «администрации». Начальство смеется. Это, — говорят, — еще только цветочки! Погодите, в Рассею попрете, тогда и о румынской тюрьме, как о счастьи вспоминать будете.

На одну из жалоб получил ответ: — Чего на допросах за-

пираетесь! Пока во всем не сознаетесь, будете на голодном пайке сидеть! Такова система!

Это было правда. Голод в советской тюрьме — система. Система прекрасно продуманная и испробованная до мелочи. «Калории» высчитаны точно. Ни умереть, ни жить, а даже если кто и умрет — печали не будет. Это система, дающая потрясающие результаты. Мне приходилось наблюдать, как до полусмерти, месяцами голодавшие люди за один ужин, за коробку папирос принимали на себя вину, подписывались под любой напраслиной. И, увы, не только о себе...

... Разговоры о еде продолжались. Голод — тоже. Сосание под ложечкой переходило в тупую, непрекращающуюся боль. Получая краюху мокрого, черного хлеба и чашку помоев, уже тут же расчитывали: — следующая кормежка завтра... Съешь, разделив на два раза, а затем ждешь с нетерпением еду полных 18 часов.

Голод и насекомые. В первый же день, почувствовал, как меня что-то обожгло по шее. Провел пальцем. Отвратительный запах. Диагноз безошибочен — клоп!

Клопов в румынской тюрьме было не миллионы, а миллиарды, биллионы. Даже в астрономии нет чисел, могущих определить количество клопов. Стены камеры, насколько можно достать рукой, красны от раздавленных клопов. Камеры белят. Белят часто. Каждые три-четыре дня, но не успеет известка высохнуть, она опять краснеет маками. Так уходит наша последняя кровь, та кровь которую мы мечтали пролить в честной брани, на поле битвы.

Помню вечер, когда в необычное время загремел замок на дверях камеры. Я знал, что допросы по ночам. Надзиратель вызвал меня.

— Одевайся! Бери «манатки»! Скорей! Давай! Вечно куда-то торопят. Давай, давай, а потом часами, иной раз днями, ждешь и ждешь.

Меня вывели в коридор. Провели во двор. Опять в коридор. Идем. Наконец, останавливаемся. Открываются двери. Небольшая комнатка. Окно настежь открыто в прекрасно разделанный цветник. Жара.

По середине комнаты — старый, грязный, залитый чернилами и изрезанный ножиком, письменный стол. За ним сидит майор в золотых погонах. Рядом с ним два сержанта. Слева, отдельно, за маленьким столиком, девица в гимнастерке с красными погонами работает на «пишмашинке». Секретарша.

Это — «зал судебных заседаний» 57-ой армии. Майор и два сержанта — «военный трибунал». Сажусь, как автомат, на указанный стул. В голове пусто и только застряла жалкая мыслишка: — вот она, скамья подсудимых!

Начинаются монотонные обычные вопросы, — где родился, где крестился...

Постепенно приближается момент нападения:

— Вы, большой военнопреступник! Вы воспитывали советских граждан, попавших в плен, в духе ненависти к советской власти! — важно говорит напыщенный майор.

Идут вопросы. Защитника нет, как, в общем, нет и прокурора. — Майор — один в трех лицах. Он и судья, он и прокурор, и как сам говорит, — мой «защитник».

Допрос закончен довольно быстро. Моим ответам, как я заметил, не придавали никакого значения. Моя судьба уже давно, может быть в Ялте, может быть в Потсдаме, давно запечатана. Но все же мне дают «последнее слово»! Что я могу сказать в свое оправдание.

Как у моих допросчиков не было пыла, так нет его и у меня. Как будто дело идет не обо мне, а о ком-то мне совсем безразличном, мямлю что-то, следя за тем, как открыто зевают мои судьи. Я чувствую, все это комедия и умолкаю. Меня выводят в коридорчик. На юридическом языке — «суд удалился на совещание».

Рядом со мной стоит молодой курносенький солдат с винтовкой. Курит вонючую махорку. Вздыхает. Предлагает закурить и мне. Чувствую в нем типичную русским людям сердобольность.

— Ничего! — говорит. — Расстрела не будет. Получишь «десятку».

Отказываюсь от махорки. Голод и она не дружат. Валит первая же затяжка долой с ног. Все же любопытно спросить, видя, что солдатик здесь не впервой и все знает:

— А долго они там совещаются?

Солдат небрежно сплевывает прямо на дверь «зала судебных заседаний» и с знающим видом отвечает: — Вот, докурю цыгарку, как пить дать позовуть! У них все наперед готово. Сидять и лясы для важности точуть!

Так и было. Солдатик бросил окурок, еще раз сплюнул одернул гимнастерку и сказал: — Айда! Зовуть!

Зова не было, но когда мы вошли в комнату — «судьи» встали. Майор прочел приговор:

... Именем союза советских социалистических республик... Вооруженная помощь международной буржуазии... § 58, пункт 4... 10 лет и.Т.Л. (исправительно-трудовых лагерей).

— Подпишите!

— Где?

— Вот тут! — палец тычет в место, плывущее перед моими глазами. От голода, вероятно. Церемония закончена. Сержанты откровенно потягиваются. Чешут поясницы. Майор смотрит на меня с любопытством. Спрашивает:

— Какое же на вас впечатление оставило советское судопроизводство?

— Никакого!

— Как так?

Очевидно человек во мне еще не совсем умер, не превратился в червяка. Стараюсь держаться прямо и забыть сосание голода, парализующего мысли:

... Коли бы вы меня отпустили или дали 5 лет, я бы удивился. Если бы дали 15, 25, пожизненное, я бы огорчился. А «десять» — это вы всем подряд даете.

— Ишь... — улыбнулся майор. — Да вы, юморист! Писака. Это у меня и в деле записано. В журнальчиках веселые истории пописывали! Но вы не думайте, что вы всерьез десять лет отколотить должны. Ну... годика три-четыре отсидите, отработаете, восстановите, то, что разрушили и, айда по домам! Мы ведь не варвары...

ЗДРАВСТВУЙ РОДИНА!

Холодный октябрьский день. 1945 года. Моросит частый, нудный дождь, отбивая мелкую, непрерывную дробь по крыше нашего вагона. Грязное серое небо затянуто облаками. Стою и жадно гляжу в крошечное, зарешеченное окошко. Перед моими глазами теряясь на горизонте тянутся бесконечные бессарабские степи.

Поезд только что перешел советскую границу. Вот она, Родина! Родина покинутая мной, потерянная в дни моего детства. Родина — незнакомая: Родина — все же страстно любимая... Страна моих детских, юношеских мечтаний. Страна моих стремлений. Страна, населенная народом, за который я стремился отдать свою жизнь. Лучшие мысли и стремления которой я посвятил — Россия!

Оказывается я еще способен на эмоции, на переживания. Не все убил голод и холод. Стою и чувствую как слезы за-

стилают глаза. Отчего я плачу?

На полу вагона, покачиваясь от движения, подпрыгивая немного от стука колес, переходящих стыки рельс, сидят серые, как небо, как осенняя природа, люди завернутые от холода в какое-то тряпье.

Поезд уменьшает скорость и останавливается. Станция. Вернее когда-то, до войны здесь была станция, станционное здание, от которого осталась куча обгорелых, закопченных кирпичей и уцелевшая дымовая труба. Немного дальше виден небольшой барак. Не больше будки стрелочника. Там — все. Это «вокзал», билетная касса, зал для ожиданий и квартира начальника станции.

Не видно ни одной живой души. В вагоне тишина. Измученные до обморока теснотой, голодом и холодом люди дремлют, ища хоть крошечку тепла в соседнем костлявом теле. Громко со смаком храпит татуированный «старшой», сшивший себе из тряпок, выданных нам вместо одеял, пятислойную попону. Многих, с кем я двинулся в этот тяжелый путь, уже нет. Они ушли из жизни, оставляя за собой только слабое воспоминание о «ком-то, кто сидел вот в этом углу» и безымянный холмик где-то у дороги... Но в вагоне не становится менее тесно. Уплотняют, перетасовывают. Перебрасывают из одного вагона в другой. Отделяют, просеивают. Гонят поезда на север. Гонят скот, проданный за зеленым столом.

— Здравствуй, Родина! — шепчу, взглядом обнимая все серое убожество.

Свистнул паровоз и оторвавшись от тела поезда, от его вагонных суставов, попыхивая куда-то ушел. Тишина. Только дождь выстукивает дробь по железной крыше, навевая тоску. Слышно, как по другую сторону, за стенами нашего «дома на колесах», ходит часовой что-то мурлыча себе под нос. Тоска. такая же бесконечная как эта степь заползает в душу и тисками сжимает сердце.

Я еще не плакал. Я еще ни разу не плакал с момента предательства. Я ненавидел. Я клял. Я кипел от возмущения. Но я не плакал и почему-то сегодня, глядя через решетчатое окно на поля своей Родины, я почувствовал, как слезы жгут мои глаза и неудержимо текут по щекам...

... Вдоль железнодорожной линии, прямо на черную, разбухшую землю горами насыпана пшеница. Пшеница — жизнь! Пшеница — рождающая хлеб! Пшеница, из-за горсти которой гибли люди в дни голодные, в дни закрепощения. Этой пше-

нице, горе пшеницы тянущейся на протяжении нескольких сотен метров придана была когда-то форма трехгранной призмы. Кое-где на нее брошены обрывки брезента, но только кое-где. Дождь мочит пшеницу — жизнь и превращает ее в тление. Дождь мочит ее и смешивает с размокшей землей не подготовленной рукой любящего пахаря для оплодотворения и нового рождения жизни...

Стою, припав мокрым от слез лицом к решетке окна, обвитой колючей проволокой и мысли роем кружатся в голове:

— ... С хлебом может поступать так только тот, кто не сеял и не собирал урожай, тот кто не трудился над ним, не гнул спины, не дрожал от страха перед засухой и не боялся долгих, беспощадных дождей. Так с хлебом может поступать только насильник! Преступник получивший его грабежом, кровью и потом других добытый хлеб...

Вдоль расплывающейся, бухнущей и осыпающейся призмы зерна тяжелым шагом расхаживает часовой. Это — женщина. Из под платка ветер треплет седые мокрые космы. А может быть она, как и многие другие, раньше времени состарилась? Может быть голод и нужда, унижения и потери вырисовали на ее лице эти глубокие морщины. В СССР теперь люди рано сгибаются, рано стареют, не успев вырасти прямыми и высокими, не успев узнать, что такое молодость и беззаботность...

На женщине-часовом все старо. Много раз латано и перештопано. Солдатские ватные штаны, такая же «телогрейка» бушлат. Вместо фуражки или «ушана», серый рваный платок. Все насквозь мокрое и грязное. На ногах что-то, что комами облепила черная грязь. На плече винтовка без штыка, на бичевке вместо ремня. И бичевка вся в бесчисленных узелках.

Все серо. Все мокро. Все грязно. Все по нищенски выглядит. Вот оно какое лицо моей несчастной Родины; то лицо, которое не видят дипломаты, решающие судьбу народов. Лицо без мрамора, блеска, водки, икры и шампанского.

Я и сегодня не могу отвязаться от моей встречи с Россией. Она осталась врезанной в памяти, символизированная усталой, измученной женщиной, похожей на мокрую нахохлившуюся курицу, насильно несущая свой неестественный труд. Женщиной, вооруженной ненужной ей винтовкой, стерегущей отнятый у ее детей, гниющий хлеб...

... Я смотрел на шагающую незнакомую мне женщину и вдруг рыдания рванули мою грудь:

— Мама! — прошептал я, захлебываясь, — Мама...

БЕЛГРАД (1977 г.)

Вернусь ли я к тебе? Увижу ли и скоро ль
Голубизну твоих сливающихся рек
И обезумевший, ослепший город,
Где я была счастливей всех?
1944 г. *Н. Б.*

Я вновь брожу по улицам знакомым
Тем, что когда-то отняла война...
Как хорошо! Я здесь — своя. Я — дома.
И словно юность мне возвращена.

Какой размах у всех воспоминаний.
И сколько лет ложится в каждый миг.
Я в этот парк спешила на свиданье...
А в этот дом за пачкой новых книг.

Сюда, дрожа, бежала на экзамен,
А там сиял искусства строгий храм...
Тоску о нем я пронесла годами
По всем ненужным и чужим путям.

Мне улицы протягивают руки,
Встречая дочь заблудшую свою.
Но после долгой и глухой разлуки
Не каждый дом в лицо я узнаю.

Я знаю нет к прошедшему возврата,
Но все ж душою, полною тепла,
Ищу окно, в которое когда-то
Любовь, еще неузнанной, вошла

Оно, как встарь, распахнуто. Навеки!
(Как неизменно счастье двух людей...)
... А там, вдали, обнявшиеся реки
В голубизне немыслимой своей.

И старый парк, и церкви, и «Споменик»...
О, город мой, прости меня, прости!
Ведь неповинна я в своей измене,
Война смешала все мои пути.

Я — не твоя! Повернута страница.
С другой страной я связана судьбой.
Но ты всегда, всю жизнь мне будешь сниться
И в сердце яркой вспыхивать звездой.

Нонна Белавина.

70-летие ОРЮР.

Одним из значительных событий этого года для Зарубежной Руси было 70-летие Организации Российских Юных Разведчиков, старейшей российской молодежной организации во всем мире (в Советской России юные пионеры были основаны в 1922 г.) и крупнейшей за границей.

ОРЮР ведет начало от звена юных разведчиков основанного в Павловске 30 апреля 1909 г. штабс-капитаном Лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона Олегом Ивановичем Пантюховым (впоследствии полковник и Старший Русский Скаут).

Прочитав книгу английского генерала Баден-Поуэлла «Скаутинг фор бойс» (разведчество для мальчиков), О. И. Пантюхов заинтересовал этой новой идеей мальчиков, собравшихся на детской площадке в парке. К концу года звено развернулось в Царскосельскую дружину, насчитывающую более ста членов.

В эти годы были еще свежи впечатления от неудачной Русско-Японской войны и революции 1905 г. Русские люди, не только взрослые, но и дети, тяжело переживали поражение, которое нанесла великой России маленькая Япония. Дети были готовы служить России, но не знали как. Одного желания было мало — нужно было и умение. В такой обстановке в 1908 г. появились первые потешные. Это движение быстро захватило массы школьников по всей России. Летом 1911 г. в Петербурге состоялся грандиозный парад, который принимал сам император. Все потешные были в военных формах с деревянными ружьями. О. И. Пантюхов вспоминает, что «особенное впечатление произвели тогда уральские казачата, появившиеся в конном строю» («Рус. ск.», 1969, стр. 24).

Несмотря на кажущийся успех, движение потешных, както, само собой прекратилось. Детям надоело играть в солдатики. Они искали что-то другое.

Медленно, но верно крепло в это же время движение юных разведчиков. После Царскосельской дружины, весной 1910 г. был основан отряд в Москве (около 1500 членов) — основатель штаб-ротмистр Г. А. Захарченко и легион в Петербурге — основатель В. Г. Янчевецкий. В 1910 г., по данным журнала «Ученик» за 1910 г. работа с юными разведчиками велась еще во Владикавказе (стр. 206) и было еще «несколько союзов в Финляндии» (стр. 434).

Зарождению движения юных разведчиков способствовала книга Баден-Поуэлла, которая так понравилась императору Николаю II, что он распорядился издать ее на русском языке. Книга под названием «Юный разведчик» появилась в продаже осенью 1909 г. и была отпечатана в типографии Главного Штаба. Офицеры и учителя были первыми, которые, начали вести с молодежью в России разведческую работу.

Разведчество в России было движением. Отряды и «организации» в разных городах не были связаны между собой. В 1911 г. в журнале «Ученик» (№ 31 от 2 апр.) была заметка: «В Петербурге организуется общество объединения всех отрядов юных разведчиков и потешных в России. Этот «всероссийский союз юных разведчиков ставит целью... Организаторами союза являются начальники юных разведчиков в Петербурге — преподаватель гимназии В. Г. Янчевецкий, в Царском Селе — шт.-капитан О. И. Пантюхов и в Вильне — есаул В. Ф. фон-Эксе...». Последний был основателем и руководителем виленских потешных. Этому проекту суждено было осуществиться только частично в 1914 г.

В. Г. Янчевецкий, редактор журнала «Ученик» и начальник Петербургского легиона юных разведчиков в 1913 был командирован в Турцию, где был убит турками, В. Ф. фон-Эксе прекратил работу с потешными, но О. И. Пантюхову удалось если не создать Всероссийский союз юных разведчиков, то хотя бы Всероссийское общество содействия мальчикам-разведчикам — «Русский Скаут». Устав был утвержден 8 сентября 1914 г. (нов. стиль), уже после начала войны. Руководители и старшие разведчики ушли на фронт. Казалось, что без старших работа в отрядах прекратится, но вышло наоборот.

Юные разведчики старались, чем могли, помочь армии. Они дежурили на станциях, чтобы помогать встречать поезда с ранеными, посещали больницы, собирали подарки солдатам, помогали солдатам писать письма домой.

Летом юные разведчики помогали в полевых работах семьям крестьян, у которых взрослые мужчины ушли на фронт.

Жертвенная работа юных разведчиков везде, где была нужна помощь, привлекала в разведческие ряды лучшую часть российской молодежи. Те, кто были молоды для армии, шли в отряды юных разведчиков или основывали новые отряды, чтобы привлечь к патриотической работе как можно больше молодежи. Поэтому во время войны разведчество в России не заглохло, а наоборот — расширилось по всей стране.

В 1914 г. в Киеве доктор Анохин основал сперва отряд разведчиков, а через год, с помощью госпожи Прохоровой, первый в России отряд юных разведчиц.

Основанное в конце 1914 г. общество помощи юным разведчикам провело в начале января 1916 г. (по старому стилю 26-30, XII, 15) в Петрограде «1-ый Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом». На этом съезде были приняты тексты: Торжественного обещания, молитвы, законов, заповедей, обычаев и гимна. На этом же съезде обсуждался вопрос названия «юный разведчик» и «бой скаут» и было решено, что можно употреблять оба названия.

В январе 1917 г. состоялся второй и последний Всероссийский съезд руководителей. В это время в России было около 50,000 юных разведчиков и разведчиц в 143 городах. Февральская революция, а за ней большевистский переворот 7 ноября 1917 г. и Гражданская война, нарушили нормальное развитие скаутизма в России (к этому времени иностранная терминология стала вытеснять русскую).

Часть бой-скаутов у герл-гайд оказалась у белых, другая у красных. Большевики хотели ликвидировать скаутизм, но не могли ничего предложить взамен. Только в 1922 г. большевики решили основать свою организацию юных пионеров. Во всем Советском Союзе в пионеры записалось около 4,000 ребят, в то время как в скаутских отрядах были десятки тысяч. Пионеры не могли иметь успеха у молодежи в условиях свободной конкуренции и потому в 1923 г. скаутизм был запрещен. Скауты этому приказу не подчинились и продолжали вести работу нелегально. У них тогда была такая песнь:

«Нас десять, вы слышите десять,
И старшему нет двадцати.
Конечно, нас можно повесить,
Но раньше нас надо найти...»

И нашли. ГПУ следило за всеми активными скаутами и в 1926 г. арестовало и судило около 1000 человек. Все были сосланы в концлагеря на разные сроки.

На территориях, занятых белыми армиями, скауты продолжали свою полезную работу: помогали армии, заботились о раненных и беженцах, а старшие шли добровольцами на фронт.

На съезде скаутских руководителей Сибири, Урала и Приуралья, в Челябинске, 20, III, 1919 г. была учреждена Всероссий-

ская организация скаутов, главой которой был единогласно избран О. И. Пантюхов. Формально этот съезд не был всероссийским и следовательно не мог решать вопрос объединения всех скаутских организаций во всероссийском масштабе, но решение этого поместного съезда ясно говорило о настроениях среди скаутских руководителей того времени.

Второй поместный съезд, в том же году, происходил в Новочеркасске с 29, IX до 1 X и на нем О. И. Пантюхову было присвоено пожизненное звание Старшего Русского Скаута.

Оба эти съезда способствовали объединению русских скаутов, оказавшихся за границей. 22 марта 1921 г. О. И. Пантюхов создал в Константинополе Совет по делам русских скаутов. Этот Совет добился от Международного скаутского бюро признания Организации Русских Скаутов за границей равноправным членом этого бюро (I, VII, 1922 г.).

В 1924 г. О. И. Пантюхов утвердил устав Всероссийской Национальной Организации Русских Скаутов, которая вскоре стала называться просто НОРС, а с 1934 г., когда был утвержден новый устав — Национальной Организацией Русских Скаутов-Разведчиков.

Вопрос русской терминологии и английской всегда вызывал споры среди руководителей, но никогда не был причиной открытых конфликтов. Конфликты, приведшие к расколу, произошли по совсем другим причинам.

В 1925 г. О. И. Пантюхов назначил полковника П. Н. Богдановича начальником Французского отдела НОРС. Весной 1928 года скм. Н. Ф. Федоров ушел из НОРС вместе со своим 5-м Парижским отрядом и основал новую организацию — витязей при РСХД. Позднее (в 1934) под давлением нацистов Берлинская дружина русских скаутов переименовалась в «витязей при РСХД», а затем витязи при РСХД появились в Праге и Брно. Сам Н. Ф. Федоров в 1934 покинул РСХД и свою организацию назвал НОВ — Национальной Организацией Витязей.

П. Н. Богданович в 1932 г. переименовал свою организацию в НОРР — Национальную Организацию Русских Разведчиков.

Было много причин, из-за которых раскалывались эмигрантские организации и возникали всевозможные параллельные. Были не только НОРС и НОРР и витязи НОВ и витязи при РСХД, в 1932 г. раскол захватил и русское сокольство и образовалось два центра, один в Праге, другой в Белграде. В общем, не считая разного рода клубов и кружков молодежи, в период 1920-х-30-х годов, за границей было около 20 незави-

симых друг от друга молодежных организаций, включая в это число и красных пионеров в Маньчжурии, где в 20-х годах многие служащие КВжд приняли советское подданство.

Тяжелый удар по русскому Зарубежью нанесли нацисты и коммунисты во время Второй мировой войны. НКВД стремилось не только обезглавить эмиграцию, но просто истребить ее. Нацисты преследовали только своих политических противников, включая в их число соколов и скаутов. Другие русские молодежные организации немцы не трогали, но многие прекратили свою деятельность сами по себе.

В течение войны НОРС-Р вела подпольную работу, которую возглавлял скм. Б. Б. Мартино. В Германии, в рамках созданной в 1939 г. немцами НОРМ — Национальной Организации Русской Молодежи, нелегальную скаутскую работу начал вести О. С. Поляков, а успешно продолжал Г. Л. Лукин. Во Пскове автору этих строк удалось включить в подпольную НОРС-Р дружину молодежи при Православной миссии и кроме того договориться о присоединении к подпольной НОРС-Р Витязей при РСХД в Праге и Брно.

В Венгрии, Болгарии, Финляндии и на Дальнем Востоке работа велась легально почти до самого конца войны. Французский отдел был единственным, который с приходом немцев прекратил работу и потом долгое время не мог ее начать.

В Мюнхене, 4, 5 и 6 ноября 1945 г. состоялся первый съезд руководителей. Главное слово на этом съезде имели молодые руководители, которые в течение войны вели подпольную работу. Съезд постановил заменить название НОРС-Р на новое ОРЮР. Съезд сделал окончательный выбор между иностранной и русской терминологией в пользу последней, вернувшись к названию — юные разведчики, которым пользовались в России первые отряды.

На съезде присутствовали только руководители из Германии. Во Франции разведческая работа еще не началась, а на Дальнем Востоке прекратилась. Собственно говоря съезд не был компетентным решать вопрос перемены названия всей организации, и в последствии это обстоятельство привело к расколу в 1957 г. К счастью раскол не был глубоким и в 1979 году произошло формальное слияние с большинством дружин НОРС в единую организацию.

Сегодня ОРЮР является крупнейшей организацией российской молодежи, которая ведет свою работу в Австралии, Ар-

гентине, Венесуэле, Германии, Канаде, Соединенных Штатах и Франции.

Скаутизм существует уже более 70 лет на всем свете и до сих пор еще никто не придумал более современных методов внешкольного воспитания молодежи. Скаутизм — это не массовая организация, а организация, строющаяся по звеновой системе, по принципу отбора. Коммунисты, создав своих юных пионеров, приняли некоторые скаутские методы и символику (все это тесно связано), но сделали свою организацию массовой в целях партийного воспитания молодежи. Таким образом у коммунистов получилось понижение качества за счет количества.

Цель скаутизма — дать молодежи правильное внешкольное воспитание, но у скаутских организаций в изгнании сверх этой основной задачи добавляется вторая — сохранение скаутских традиций за границей для возрождения скаутизма на родине, со всеми вытекающими из этого обязанностями.

Одной из этих добавочных обязанностей является сохранение родного языка. В этом отношении ОРЮР выдержал первый экзамен времени лучше, чем любые русские организации молодежи, создававшиеся в США.

Когда мы, бывшие «Ди-Пи» приехали в 1950 г. в США, спустя 27 лет после появления здесь белой эмиграции, мы почти не нашли молодежи, говорящей по-русски. ОРЮР в США ведет работу уже 30 лет, его ряды не редеют и знания русского языка среди членов сохраняется на достаточном уровне.

Будем надеяться, что оно так будет и впредь.

Наш девиз: «Будь готов! За Россию!» **Скм. Р. Полчанинов.**

ДЕКЛАРАЦИЯ О ВОССОЕДИНЕНИИ.

8-го февраля 1975 года мы, нижеподписавшиеся ответственные руководители двух братских скаутских организаций, заявили о том, что созрело время для воссоединения Национальной Организации Русских Скаутов и Организации Российских Юных Разведчиков в единую русскую скаутскую Организацию.

Теперь, с чувством глубокого удовлетворения исполненного долга перед русской молодежью, мы счастливы снова обратиться к нашей общественности и ко всем национально-мыслящим русским людям с радостной вестью о том, что наши

усилия увенчались успехом и нами достигнуто полное соглашение о воссоединении наших организаций.

Мы призываем всех руководителей, скаутов и разведчиков, настоящих и бывших членов ОРЮР и НОРС разбросанных по всем свободным странам Российского Зарубежья, присоединиться к нам и разделить с нами радость воссоединения и, тем умножить силы на благо нашего молодого поколения и во имя будущей Национальной России!

Мы достойно отпразднуем семидесятилетний юбилей Русского Скаутского Движения, претворяя в жизнь заветное желание его основателя, Старшего Русского Скаута, полк. Олега Ивановича Пантюхова, мечтавшего «видеть русских скаутов и разведчиков, воссоединенных в одну братскую семью».

По молитвам нашего небесного покровителя, Св. Великомученика и Победоносца Георгия, да поможет нам Господь Бог в нашем деле объединения и воспитания русского юношества в готовности к служению православным русским национальным Идеалам!

Всегда готовы! За Россию!

Старший Скаутмастер ОРЮР
Скм. П. А. Уртьев

Старший Скаут НОРС
Скм. В. В. Красовский

28-го июля 1979 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ
ТРЕТЬЕГО СЪЕЗДА ОРЮР.

Организация Российских Юных Разведчиков является независимой и самостоятельной российской организацией молодежи, которая не подчинена никаким ни русским, ни иностранным организациям. Она ведет свое начало от отряда юных разведчиков, основанного 30 апреля 1909 г. в Павловске Ст. Р. Ск. О. И. Пантюховым. ОРЮР есть добровольное братство российского юношества и ставит себе целью внешкольное общественное воспитание в национальном и религиозном духе, дополняющее воспитательную деятельность семьи и школы.

В основе идеологии ОРЮР лежит христианское миропонимание и бескомпромиссное стремление к возрождению свободной национальной России, созданной трудами св. равноапостольного князя Владимира, святителей, государей и всех лю-

дей российских — к дому правды, мира и согласия всех народов и племен, населяющих ее пространство.

Мы считаем, что настоящее и будущее Зарубежной Руси основывается на церкви, семье и подлинно национально мыслящих организациях молодежи. Поэтому ОРЮР призывает родителей обратить внимание на воспитание детей в семье, на их приобщение к церкви и также на их участие в национальных организациях молодежи — единственном месте, где они могут найти свою русскую среду и стать лицом к России. Новый Павловск, 4 августа, 1979 г.

Ст. Скм. П. Уртьев.

Редакция «Кадетской Переклички» с большим удовлетворением печатает сообщение о воссоединении русских разведческих молодежных организаций. Кадеты Нью-Йоркского Объединения, годами поддерживали обе разведческие организации лагерными стипендиями и единовременными пожертвованиями и зачастую рекомендовали руководителям разведческих организаций изжить нездоровую раздвоенность и объединить свои усилия в воспитании русского юношества. Бог в помощь.

Мария Беляева.

«ВНУКИ ИЗГНАНИЯ».

Россия, Зарубежье и эмигрантская молодежь 80-х годов.

(Доклад, прочитанный 3 сентября 1979 г., на Втором Съезде Русской Православной Общественности Западно-Американской Епархии, в Ангвине, Калифорнии).

"Пока живу в тумане бледном
Живет во мне твой Петроград
И светится под небом нежным
На золотой игле закат".

Эпиграфом к моему докладу я взяла четверостишие одного молодого поэта эмигранта, нашего поколения, чтобы подчеркнуть основную мысль того, что я имею сегодня вам сказать.

* * *

Когда говорят об эмиграции, обыкновенно не делают различия между поколениями, жившими в России, и поколения-

ми, уже родившимися за ее пределами. Говорят о первой и второй эмиграции, теперь уже и о третьей, а если вообще говорят о русских людях, рожденных в чужих краях, то почти всегда с ужимкой, с мысленной или прямо высказанной оговоркой, что мы русского происхождения — но как-то не совсем русские по духу, или по взглядам. Такое мнение, конечно, распространено у жителей стран, принявших наших отцов. Думаю, что каждому, здесь присутствовавшему, который получал образование в Америке, не раз приходилось объяснять недоумевающему товарищу или учителю, что, хотя он родился в Австрии, в Китае, в Австралии, в Чили, он все-таки русский, во всяком случае не простой американец, и даже не американец «через черточку», как принято здесь обозначать себя, скажем, итальяно-американцам, поляко-американцам и другим группам. Так говорим все мы, даже когда в глубине души сами не полностью верим утверждаемому. Все дети из русских православных семей, да и многие дети наполовину русские, испытали такое чувство отчужденности, или, по крайней мере, обособленности, вырастая, воспитываясь и устраиваясь в американской среде.

Феномен эмиграции, вернее, русской эмиграции, эмиграции по убеждению, а не по материальным причинам, по разному отразился на поколениях, после катастрофы 17-го года. Хотя первоначальные различия, отличавшие эмиграцию старую, Белого Движения, от новой, выросшей уже под советской властью, за десятки лет их общего пути стерлись, различия, отличавшие поколения, выехавшие за границы России, от поколений, родившихся уже вне ее, не только стерлись, но во многих отношениях стали сложней. Цель моего доклада, во-первых, изложить факты, отличающие молодое поколение от старшего, во-вторых, уточнить, насколько возможно общие стороны положения нашего поколения в его окружении и его к нему отношение, в-третьих, попробовать определить будущее развитие этого положения и повлиять на него.

Каждое десятилетие, каждое поколение приносит с собой какие-то, хоть небольшие, перемены в настроении, мировоззрении и, попросту в быте народов, личностей, всего человечества. В этом ход истории. Поэтому, естественно, что каждое поколение в какой-то степени отличается от предыдущего — без этой разницы, этого удаления, мировое творчество лишилось бы одной из своих основ и главных тем. За последние пятьдесят лет, когда общества цивилизованного

мира пережили колоссальные перемены в политических, социальных, технических сферах, сопровождаемые коренными потрясениями религиозных, моральных и эстетических принципов и норм, когда эти перемены и потрясения продолжаются с усиливающейся скоростью, те естественные расхождения в опыте и мнениях, которые всегда существовали между отцами и детьми, увеличились и усложнились. Если добавить к этому, допустим, не очень большому расхождению между поколениями, переживаемое всей эмигрантской молодежью чувство отчужденности, вернее, неприкаянности, то что по-английски можно было бы выразить словами "not belonging", среди американского окружения, то положение нынешней русской эмигрантской молодежи, уже третьего поколения беженской России, внуков тех первых гонимых, становится в своих исторических очертаниях уникальным, а в бытовых сторонах — невыносимым.

Когда я думаю о первой эмиграции, мне представляются пароходы, ушедшие в 20-м году из Крыма, направленные к далеким, неизвестным берегам. Вторая эмиграция — толпы, бежавшие через фронтовые линии, бесконечные эшелоны, катящиеся на Запад, под обстрелом. Мысли, надежды, вся последующая жизнь и тех, и других устремлены на родные, покинутые края. Наше же, молодое поколение эмиграции — небольшой пароходик, со всеми удобствами, заблудившийся в безбрежном пространстве, не знающий, где его пристань — на незнакомой родине, или в известных, но чуждых нам краях. Что для нас Россия? Отцы и деды наши унесли о ней воспоминания, массу деталей бытовых, память о родных и близких им людях. А мы знаем Россию всего лишь по картинкам, по сухим, часто враждебным, источникам, по нескладным, сказочным повествованиям.

Русские беженцы никогда полностью не почувствуют себя за границей «дома», сколько бы лет они ни прожили в одном, в нескольких городах. А мы здесь родились, здесь и учились, здесь работаем; у нас друзья и женихи, и семьи есть среди нерусских. Нас не всех тянет в Россию; вопрос о своевременном возвращении туда нас волнует — как его разрешить, когда нам с детства известны мечты родителей, идеал эмигрантский о всеобщем возвращении на родину, а нам трудно даже подумать о добровольном отказе от хороших условий жизни, которые мы себе создали. Два поколения боролись, чтобы стать на твердую почву — и когда уже третье

на ней стоит, трудно подумать, что от нее придется отказаться. Многие из нас уже решили, что не вернутся в Россию, если она освободится, а остальные, по крайней мере, серьезно задумывались над этим вопросом. И, конечно, если мы уже готовы к тому, что будем жить здесь, в Америке, то нас затрагивает внутреннее обеспечение этой страны, устройство наших карьер, воспитание молодой семьи для жизни в Америке, а не в какой-то эфемерной России. Вопрос о возможном возвращении особенно обостряется сейчас, когда многие утверждают, что приближаются дни выбора, когда в свободную Россию смогут переселиться не примирившиеся с коммунизмом эмигранты.

Вторая точка, с которой молодежь эмиграции начинает отрываться от старшего поколения — вопрос языка. Мы часто слышим от более пожилых людей упреки в том, что мы мало и плохо говорим по-русски. В этом видится как бы главная черта предательства — отречение от родного языка. Сами же мы чувствуем, что нам трудно говорить по-русски, у нас проскальзывают то американская интонация, то неправильно поставленные фразы и тяжелый акцент. Мы ходим в церковь и не все понимаем, что слышим. Мы мало знаем Россию историческую и современную, потому что нам тяжело читать по-русски. Мы думаем по-английски, сны нам снятся по-английски, и мы сами быстро соглашаемся со старшими, что мы уже неполноценные русские, выродившиеся, ассимилировавшиеся, чуждые эмиграции и ее тревогам, чуждые русскому народу и его переживаниям.

Боже мой, кому же мы не чужды? Мы дружим с американцами, но почему-то и с ними нам нередко скучно, они нам кажутся пустыми, удивительно наивными, их образ жизни нам противен, хоть и соблазнителен. Выходит, что мы ни к кому не пристали. Как часто это чувство у нас выражается в горечи, цинизме и злобе на самих себя, на наших родителей, которые нас воспитали такими, на эту же несчастную Россию, которая не дает нам покоя.

Огромное моральное и духовное бремя несет третье поколение русской эмиграции. И не с кем нам его разделить, как друг с другом. О наших ранах никто не знает; они прикрыты блестящими успехами, баснословным благополучием, а часто и неплохо разыгранным безразличием, за которым мы прячемся от до боли раздирающей действительности.

Мы все отказывались и отказываемся от России, только

потому, что мы не умеем совместить несомненной нашей русскости с жизнью на богатом возможностями Западе. Но разве эти полярности так несовместимы. Необходимо ли всегда видеть противоречие в человеке русском по духу и в человеке, выросшем вне России, особенно на Западе? Я считаю, что категорически, безусловно — нет.

Почему-то у нас, русских, всегда относились с подозрительностью к русским же, жившим на Западе, любившим его или им интересовавшимся. До какой-то степени, эта подозрительность обоснованная, воспитавшаяся на уроках истории? Россию Запад не особенно любил и не любит. Западные течения принесли России много вреда. Но непозволительно сваливать то зло, которое во всех нас есть, которое причинило русскому народу огромное горе, на какие-то отвлеченные внешние явления, действия тайных организаций, или исторические течения.

Можно любить русскую землю, не будучи прикованным физически к ее почве — это доказала сама эмиграция, и это как раз свирепо отрицает советская власть, нелепо утверждая, что эмиграция, включавшая таких исключительно одаренных людей, как Бунина и Шмелева, Стравинского и Рахманинова, не вывезла из России ни капли таланта, так как все гениальные русские люди гениальны только потому, что дышут русским воздухом, а не французским. Вспомним Гоголя, прожившего, по собственному желанию, около семи лет в Риме, где он написал самые вдохновленные свои строчки о России.

На мой взгляд, первый русский эмигрант по духу и настроению — Тургенев, проведший почти всю свою жизнь во Франции, из-за беззаветной, безответной и самоотверженной любви к одной женщине, которая, быть может, и не заслуживала такой преданности. Тургенев всю жизнь писал только о России и только для нее, с неимоверной нежностью описывая ее природу и ее народ. Вместе с Достоевским он понял, охватил и увековечил целую эпоху России в преддверии к революции.

А если отступить еще немного дальше, к русским людям Екатерининской эпохи и Пушкинского Золотого Века, то можно вспомнить, что вся русская знать говорила по-французски; многие считали, что по-французски даже молиться красивее. Образованный человек еще говорил по-английски, по-немецки. На родном же языке грамотности от него не требовалось.

Теперь мы возмущаемся таким предрассудком, но разве можно справедливо сказать, что те люди — герои Отечест-

венной войны, генералы, министры, дипломаты России; дворяне, строившие многочисленные храмы, жертвовавшие на ополчение двенадцатого года, породившие Пушкиных, Грибоедовых, Хомяковых, Тургеневых, Толстых — можно ли сказать, что они не были русскими? Можно ли упрекнуть мученически погибшую нашу Царскую Семью в том, что между собой они говорили по-английски? Разве это умаляет их подвиг, их жертву?

Я хочу обратить ваше внимание: с какой близорукой точки зрения мы смотрим на наше национальное достояние. Знание только русского языка не есть ключ к русскости. И стремление вернуться в Россию само по себе не заключает в себе русскости. Наша Россия в сердцах наших. Наша родина в ногах наших, по какой бы почве они ни ступали. Что бы мы сами и наши родители и наши друзья ни думали, мы все равно русские. Что же это значит? В чем это выражается? Это значит, что нас всегда будет тревожить положение русского народа, а, тем более, пока он страдает. Это выражается в том, что мы, русская эмигрантская молодежь, между собой чувствуем больше близости и имеем больше общего, чем среди американцев, почти без исключения.

Мы — русские. Наш быт, опыт, радости и страдания, грехи и подвиги, и все достижения сотен поколений русских людей вошли, в сосредоточенном виде, в состав каждого из нас — — в состав, во-первых, духовный, в состав умственный и даже физический. Пусть нас не смущает то, что в Америке нет такого же настроения, я не скажу, национального, а, скорее, родового, чувства причастности к нескольким поколениям предков, многое испытавших и, тем самым, неразлучно связанных. Что значит в истории человечества 200 лет, когда одно татарское иго длилось дольше? Смешно даже смотреть на самоуверенность, с которой американцы считают, что нынешний государственный строй сохранится вовеки без перемен. Америка — страна новая, искусственно созданная уже по прошествии главных эпох рождения западных наций. Америка — страна в самих своих истоках составленная из множества небольших сект, взаимно ненавидящих друг друга, а впоследствии из безконечного потока различных народностей, ищущих лучших материальных условий. Не удивительно, что среди американцев преобладает чувство раздробленности, а не единства. Мы не должны видеть в этом примера. Да и справедливо ли вообще мое суждение об Америке, если посмо-

треть на приверженность к местной истории, местной культуре и местному превосходству, которое мы встречаем на юге США, или в так называемой Новой Англии? Факт тот, что США еще не пережили таких тяжелых потрясений, из которых бы народ вышел с чувством единства. (Именно об этом и говорил президент Картер в своей речи о нефтяном кризисе два месяца тому назад. Он указывал на недостаток сплоченности и дисциплины в американском обществе, в сущности, повторяя критику Солженицына в 1978-м году).

Но сегодня Америка интересует меня всего лишь как пример явления противоположного русскому. Мы должны помнить, что появлением на свет, воспитанием, судьбой каждого из нас мы обязаны невероятнейшему стечению множества случайностей, то есть конкретному осуществлению понятия, которое принято называть Промыслом Божиим.

Это значит, что каждый из нас не был бы тем, что он есть, если бы его предки и деды не участвовали бы в междуусобных распрях, не ходили бы на богомолье в Лавры, не пережили бы татарского ига, не бились бы на Калке, под Полтавой и на Бородинском поле, не участвовали бы в Белом Движении, не голодали бы на чердаках эмиграции, и даже проще не пекли бы куличей и не водили бы хороводов, потому что ничто, существовавшее на свете от самого его сотворения, не пропало бесследно, а, наоборот, пошло на создание одного огромного целого.

Назовите это историей, цивилизацией, эволюцией или вообще жизнью, чем хотите, только не думайте, что мы можем отрешиться от этого наследия, полнота и смысл которого раскроются лишь на Страшном Суде Господнем. Современный мир не может отказаться от прошлого, создавшего нынешний его облик. Так же и мы не можем отказаться от России, потому что она сама уже в нас.

В окружающей нас среде, в которой нам хорошо живется и где мы, допустим, намерены остаться, мы видим потрясающий моральный упадок, сильный упадок в области просвещения, безразличие ко злу, политический хаос, экономический беспорядок, опасное напряжение среди бедных частей населения, в общей сложности — довольно неопределенное будущее. Можем ли мы с полной уверенностью сказать, что та обновленная Россия, о которой мы третий день говорим, нам, лично, никогда не будет нужна?

Что нам дал Запад? Обеспечил нам жизнь, предоставил воз-

можность учиться и работать, молиться Богу, встречаться, высказываться, путешествовать — стать каждому тем, кем его совесть и способности определят. Мы обязаны Америке за возможности, которые она нам дала — но на этом ее роль кончается. За результат она не отвечает: посмотрите только, сколько здесь несчастных наркоманов, да и попросту пустых, жестких людей, выросших в тех же условиях, как и мы. Тем более, за положительный результат благодарить Америку нечего — если положение американских граждан русского происхождения находится на высоком моральном и материальном уровне, то эта заслуга наших родителей и нас самих. Здесь совершенно не причем наше русское происхождение. Все то хорошее, лучшее, что в нас есть — русское. Оно вышло из России, в изгнание — за это мы в долгу перед дальней родиной; этим мы обязаны ей и ей одной. Именно потому мы русские.

Начнем с того, что мы верим в Бога, что мы хотим бороться со злом, что мы не можем безразлично смотреть на беззакония и несправедливость, что у нас возвышенное понятие о жизни, что в мелких и больших горестях мы терпим и надеемся, что переживаем наши недостатки и стремимся быть лучше.

Это драгоценное зерно добра дала нам наша Православная вера, в которой нас воспитали наши русские родители. От них же мы унаследовали чувство честности и порядочности, требовательности к самим себе, жертвенности в общественных делах, чувство ответственности за младшего, за несчастного, за пришибленного, знаменитое русское великодушие — все то, что принято называть русской душой, то, что я хотела бы назвать точнее русской совестью. Это наследие, к которому мы должны прислушиваться и которое мы должны развивать в себе.

Кто бы мы ни были, нам всем, третьему поколению русских, живущих в Зарубежье, нужна свободная Россия. Нужна хотя бы потому, что нужна она всему миру, живущему под угрозой атомной войны, живущему в бессилии перед голодом, беззаконием, ненавистью и страхом, и управляемому безумцами, ставящими личные и партийные интересы выше интересов человечества. Нужна нам свободная Россия еще и потому, что мы все любим ее.

Да, все, даже те, которые совсем не говорят о ней, не говорят на ее языке, те, которые не будут приносить себя за нее

в жертву — одним словом, те, которые еще не знают ее, — но любят Россию.

Разве кто-либо из нас или из них совершенно не любит и совершенно безразличен к нашей Православной Пасхальной заутрене, ко всем обычаям, сопровождающим наше празднование Пасхи Господней? А ведь это не пустой, сентиментальный символ — это самая суть России, лучшее, что можно извлечь из нее вообще.

Кто из нас не любит своих русских родителей? Своих русских друзей? Кто из нас не любит самого себя, вернее, лучшего в самом себе? Кто из вас сможет мне сказать, что он не любит России, когда она сама живет в нем?

Так как когда-то, а мы верим, и ныне, русский народ носил в себе самого Христа, так и я вам всем здесь утверждаю, что эмиграция вынесла в себе Россию, несет ее ныне и будет нести, пока не удостоится, по великой Божией милости, вернуть ее всему русскому народу, народу, который отрекся от нее, когда отрекся от Царя, попрал ее вместе с иконами, которыми мостил улицы, продал ее. вместе с несметными ее сокровищами западным расхитителям, и пустил, вместе с эмиграцией, по миру.

Шестьдесят лет, три поколения, российские изгнанники скитаются по свету, исполняя подвиг и нося с собой дар, Богом данный.

Подвиг и дар тот — любовь к России. Шестьдесят лет страдает русский народ, искупая тяжкие свои грехи. Но ведь страдания бывают разные — есть страдание заслуженное, искупительное и есть страдание закаляющее, созидающее.

Мы видим сейчас, как страдание на нашей родине меняется в характере; страдание животное, бессмысленное и неосмысленное, заменяется страданием сознательным, деятельным, страданием за торжествующую Истину. Так и у нас должно быть. Любовь слепая, подсознательная, но всегда серьезная, а главное, бездейственная. должна уступить любви деятельной, самоотверженной разумной.

Я пришла сюда сегодня, чтобы позвать вас — тебя, Володя, тебя Наташа, тебя Вера, Лена, Коля, тебя, Сережа, тебя Георгий, Мася — к воинствующей любви. Она имеет две стороны — абстрактную и конкретную. Объединяет их одна цель — НЕ СЛУЖИТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. Ведь наша русская эмиграция, своим малодушием, склоками, скептицизмом и бездействием только помогает разрушительным действиям

безбожников, стремящихся уничтожить все хорошее в русском народе. Сила эмиграции в ее непримиримости с незаконно захватившими власть в России. В этом отношении мы еще не потеряли значения. Но теперь, когда мы видим наростающий рассвет, одного того, что мы вообще нашим существованием отвергаем законность коммунистической власти — мало. Мы можем и должны сделать больше. Даже если мы приняли решение никогда не возвращаться в Россию, не значит, что мы хотим, или даже имеем право, как верующие христиане, забыть русский народ в темницах и в заключении.

В чем должна выражаться наша любовь к России? Во-первых, в нашем духовном переживании. Мы сострадаем русскому народу. Это значит, что мы страдаем вместе с ним. К этому стремиться не надо; эта боль всегда в нас, но ее не надо бояться, ей надо посмотреть в глаза, узнать ее и осознать.

Мы должны различать, где в русском человеке добро и где зло, признать нашу общую вину и каждому в ней каяться.

Мы должны отойти от эмигрантских споров, от эмигрантской робости, от чрезмерной эмигрантской опасливости, относящейся ко всякому положительному явлению в России с подозрением и недоверием.

Мы не должны поддаваться малодушию, неверию и цинизму, а напротив, пытаться укрепить в себе и друг в друге бодрый дух и крепкую веру.

Каждый из нас должен, по мере своих возможностей, все ближе и ближе знакомиться с нашим народом в Советском Союзе и в Зарубежной России.

Каждый из нас должен, на первом месте, стать больше православным. Наш ответ на духовное перерождение русского народа не может быть иным, мы должны идти общим путем. До сих пор и дороги, и возможности наши были разные, но уже теперь они должны слиться. Когда-то нам напоминали молиться за Россию — теперь нужно призывать всех молиться и поститься вместе с ней.

Дорогие друзья! Я говорю об идеалах, которые нам всем дороги, но на которые мы привыкли смотреть, как на недостижимую вершину. То же самое нам когда-то говорили родители, что сгинет советская власть, будет Россия. И вот теперь мы видим, что эта фантастическая мечта сбывается. Это происходит на наших глазах. Как нам не верить, что русский народ перерождается, когда это в нас самих происходит? Там люди борются, жертвуют собой, там в лагерях постятся, там

Бога ищут — а мы что делаем? Чем мы помогаем им, себе? Я предлагаю вам, молодежь, объединиться и заняться деятельной помощью русским людям.

1. Мы будем говорить по-русски. Это небольшой, но очень ценный подвиг. Во-первых, он помогает нам сохраниться русскими эмигрантами, а, во-вторых, он открывает нам возможность контакта с русским народом в Советском Союзе. Нам необходимо читать и распространять материалы о прошлом и настоящем России. Для этого следует трудиться над языком, который является для нас орудием и оружием.

2. Мы будем поддерживать духовно-национальное движение в России и Зарубежье. Опять-таки, это сводится к деятельной поддержке и чтению таких журналов, как «Русское Возрождение», «Ортодокс Монитор», «Вестник РХД», «Нового Журнала» и других органов, оказывающих поддержку русскому народу, борющемуся за веру и свободу.

3. Мы будем помогать просвещению иностранцев, поддерживая таких выдающихся людей, как Генри Дэйкина, издающего за личные средства массу материала о гонениях на верующих христиан в России. Пример г. Дэйкина, нерусского и неправославного, должен нас всех пристыдить. Представьте себе, сколько могли бы сделать двадцать человек, если один уже так много сделал. Материалы, издаваемые им на английском языке, всем доступны; их следует читать и распространять

4. Мы возобновим поддержку заключенным Игорю Огурцову, Владимиру Осипову, Александру Огородникову и другим нашим духовным вождям, страдающим в лагерях и тюрьмах Советского Союза. Помочь им может каждый, хотя бы тем, что напишет им открытку с выражением поддержки. Если бы начальники лагерей увидели, что таких людей поддерживают тысячи людей за границей, они бы относились к ним лучше, так как советская власть еще не безразлична к мнению Запада. Кроме того, мы должны все о них молиться и помнить их подвиг.

5. Мы организуем поддержку Православному Делу, распространяющему духовную литературу в России. Как нам стало известно от людей, приехавших из России, рассылка материалов по частным адресам не является угрозой для адресатов. По советскому закону, ответственности они не несут. Просьбы же о духовной литературе все время усиливаются, отражая огромную духовную жажду русского народа.

6. Мы будем чаще встречаться, чтобы сохранить и усилить между собой чувство сплоченности, общего опыта и общих стремлений. Многие из вас слышали о том, как удачно прошел съезд в Торонто. Другие уже о том, что Четвертый Всезарубежный съезд Русской Православной Зарубежной молодежи намечается на 1981-й год в городе Сан Франциско.

Нам предстоит огромная работа по подготовке к Съезду. Дела найдется для всех, и мы должны заняться им немедленно. Забудем всевозможные деления, которые между нами могут существовать. Мы должны объединиться, и не на основах политических, а на основах общих, культурных, во главе которых стоит наше общее Православие.

Не гадайте о том, когда воскреснет Россия — через сто, через десять, через пять лет. Я верю, что скоро. Подумаем лучше о том, сколько нам осталось жить — пятьдесят лет, тридцать, десять — а, может быть, меньше? Не тратьте вашей жизни на несчастные телевизоры и обеды. Живите высшим, живите лучшим и послужите ему, кто как может.

Когда я начала готовить доклад для этого съезда, я собиралась говорить о Владимире Набокове, писателе-эмигранте, которого русская эмиграция, к несчастью, мало знает. Почти все его осуждают, даже не прочитав полностью ни одного из его произведений. Набоков же в своем творчестве лучше кого-либо выразил переживания, всю тоску эмиграции. И вот, в надежде, что я смогу возбудить к нему интерес среди молодежи, которая почерпнет в его произведениях очень многое о России и о себе, а также чтобы напомнить нам всем, как необходимо нам побольше читать свое русское, эмигрантское, читать Зайцева, о котором нам так прекрасно говорил о. Павел Грибановский, читать Бунина, Тургенева, Пушкина и Набокова. Я хочу закончить мое выступление чтением трех стихотворений Набокова. Первое, написанное в 1944-ом году, скажет вам многое о его взглядах.

Каким бы полотном батальным не являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа не наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь

со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немого рабства — нет, о нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт.

Второе было написано в 1928-ом году:

Мою ладонь географ строгий
разрисовал: тут все твои
большие, малые дороги,
а жилы — реки и ручьи.

Слепец, я руки простираю
и все земное осязаю
через тебя, страна моя.
Вот почему так счастлив я.

И если правда, что намедни
мне померещилось во сне,
что час беспечный, час последний
меня найдет в чужой стране,

как на покатой школьной парте,
совьешься ты подобно карте,
как только отпущу края,
и ляжешь там, где лягу я.

И, наконец, от 1937 года:

Бессмертное счастие наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайно,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

Вот, как нужно любить Россию!

ВОРОНЕЖСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС С РЕВОЛЮЦИИ И ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ.

Вперед Воронéжцы лихие,
Под знаменем славных кадет,
Мы с вами откроем России
Путь чести и новых побед.

Не нам отступать пред врагами,
Наш славный, великий народ,
Смерть честными встретим глазами
Вперед, Воронéжцы, вперед!
(Кадетская песня).



Тот же Корпус после революции. Раньше на месте — Воронежский Университет — было большими золотыми буквами название Корпуса, над которым был большой Александровский орел, которого сорвали в первые же дни революции и еще видны следы.

В своей талантливой книге «Кадеты и Юнкера» мой однокашник Анатолий Марков дал довольно подробное описание жизни нашего Корпуса ДО революции, мне же кажется, что будет интересно рассказать о существовании Корпуса ВО время революции и до его закрытия в 1918 г. и изложить события, которые мне казались тогда важными и таковыми, как они представлялись мне, кадету 2-ой роты, и в выражениях, присущих в то время моему возрасту; все эти события живы в моей памяти, их описание без связи между ними т. к. я не пишу хронику Корпуса за его последние полтора года, а беру отдельные события в корпусной и моей личной жизни.

Зима 1917 года, 4-ый год мировой войны, потребовавшей

от России колоссального напряжения, армия была доведена до 14 миллионов, громадные жертвы были принесены для спасения Франции в начале войны (чудо на Марне!), незаменимые потери кадровых офицеров, унт. офицеров и солдат и уход из Петрограда на фронт Гвардейских полков, что сказалось впоследствии роковой ошибкой.

6-го января, после Рождественских каникул, съехались кадеты со всей Российской Империи в свои родные Корпуса и сразу вошли в жизнь по давно установленному, одинаковому для всех порядку. Наступил февраль... В один из вечеров 2-ая рота, после ужина, построена на вечернюю молитву в своем зале перед большой иконой. После того, как я прочел молитвы (кад. Домбровский и я читали по очереди), кад. Гажеев задал тон и рота стройно пропела: «Спаси Господи люди Твоя!», дежурный по роте подп. Паренаго попрощался с кадетами и сказал: «Господа, мы накануне больших событий!». Рота разошлась и кадеты обменивались предположениями и догадками, не зная какая печальная судьба ждала их и весь Русский народ и что наступило самое страшное смутное время нашей истории...

На следующий день все 4 роты были построены в нашем громадном двухсветном зале и Директор прочел манифест об отречении Государя от Престола... Роты разошлись по своим помещениям и уроки продолжались... С тех пор прошло 55 лет, но никогда я не забуду каким ударом было для нас крушение того, что тогда являлось смыслом нашей жизни.

В городе сразу пошел дикий разгул и раскачка устоев Русской Армии и Государства, а в Корпусе жизнь шла по прежнему, учение продолжалось нормально, дисциплина сохранилась полностью, как будто ничего не переменилось.

Корона огромного Александровского Орла, простиравшего свои могучие крылья на фронтоне здания сверху надписи золотыми, громадными буквами: «Воронежский Великого Князя Михаила Павловича Кадетский Корпус», замененной впоследствии надписью: «Воронежский Университет», была сбита, орел же и надпись остались до закрытия Корпуса.

Вскоре произошло еще одно событие, которое у меня осталось очень живо в памяти: это принесение присяги Временному Правительству! Не знаю насколько было серьезно заставлять присягать офицеров и солдат, которые клялись верности Государю, но чтобы юноши и мальчики кадеты приводились к присяге — нам это казалось просто фарсом, а Вре-

менное Правительство никого не интересовало. Когда по Корпусу разнеслась новость о том, что кадеты будут присягать Времен. Правительству вместе с войсками Воронежского гарнизона, было решено прибавить «НЕ» перед «Клянусь», но не громко, что было не особенно мужественно, но нам воспитатели строго приказали воздержаться от какой-либо враждебной демонстрации. Роты кадет, одетых строго по форме, стройными рядами вышли из Корпуса и заняли отведенное им место. Вместо знамени был большой красный флаг с надписью большими белыми буквами: Кадеты свободной России. Весь наш плац был полон солдатами, почти все украшенные красными бантами, многие в расстегнутых шинелях, стоящие в расстроенных рядах, как они были мало похожи на солдат до революции! После присяги, на бочки, покрытые досками, взобрались разные «ораторы» и все это начало «митинговать»! Вернувшись в Корпус, в каждом отделении, кадеты подписались под текстом присяги.

В Корпусе появился какой-то присланный нам комиссар, вполне интеллигентный человек, жил он в лазарете и ни во что не вмешивался, одним словом, вел себя прилично. В это же время каждое отделение должно было выбрать тоже что-то вроде «классного комиссара» и я был удостоен этой сомнительной «чести». В Армии дисциплина совершенно подорвана знаменитым приказом № 1-ый, отданным военным министром Гучковым.

За все время существования Врем. Правительства жизнь в Корпусе протекала более или менее спокойно. Впервые кадеты покупали и читали газеты, в которых к нашего великому возмущению, обливали потоками гнусной клеветы, лжи и грязи все, что нам было дорого... Всякие самые фантастические слухи, источники которых было невозможно проверить, ходили по Корпусу. Кадеты донские казаки с Пасхальных каникул вернулись не все. В одном моем отделении было 9 казаков, это объясняется тем, что наш Корпус был близко от Донской Области и его Директор был донской казак. С продовольствием становилось все хуже и все были довольны, когда после экзаменов могли разъехаться на летние каникулы. Уехали кадеты «нормально»: одетые по форме, с погонами. Никто не думал, что это будут последние каникулы и что многие не увидят свой родной Корпус...

Это лето было полно крупных событий внутри страны и на фронте. Для меня это были мои лучшие, последние каникулы,

проведенные в нашем имении, верстах в ста от Воронежа, которое в ноябре было разграблено и сожжено в одно время с имениями наших родственников, на другой стороне речки Байгоры, Якубовичей и Дебошинских, а также имение наших друзей детства Шингаревых. Мой старший брат уехал в Москву в Александровское Военное Училище, а оттуда вскоре с ударным батальоном юнкеров на фронт, где они попали в Тарнопольский прорыв и им пришлось «драпать» по 50 клм. в день со всеми «товарищами», которые, после неудачного наступления, бросили фронт и не хотели больше воевать, несмотря на все пламенные речи «Главнокомандующего» А. Ф. Керенского. Из-за этого прорыва сорвалась моя уже совсем подготовленная поездка на фронт в батарею, где был мой друг, окончивший Михайловское Артиллерийское Училище, в которое я мечтал выйти по окончании Корпуса. Юнкеров ударников вернули в Москву для окончания Училища. Позже брат мне рассказывал, как он был в почетном карауле юнкеров для встречи нового Верховного Главнокомандующего ген. Л. Г. Корнилова, приехавшего на Чрезвычайный Съезд и что подъем и энтузиазм встречи того, в ком видели спасителя России, не поддавались никакому описанию! Когда же ген. Корнилов отдал свой знаменитый приказ о восстановлении смертной казни для поднятия дисциплины, Керенский объявил его «врагом революции» и приказал считать приказ недействительным и изъять его из всех воинских частей.

Как всегда, в Августе кадеты съехались в свое родное гнездо и делились переживаниями и впечатлениями от всего виденного за лето. Утешительного и хорошего было мало! Вся страна была окутана облаками махорочного дыма, полна бегущими с фронта дизертирами и заплевана шелухой подсолнечных семячек... Многие рассказывали о случаях расправы взбунтовавшихся и распропагандированных солдат с офицерами. В Корпусе появились новые маленькие кадеты. С 1913 года по распоряжению Государя Корпуса стали всесословные.

Настолько крепко была налажена жизнь в Корпусе, что несмотря на все внешние события и всеобщий развал, дисциплина сохранялась полностью и занятия продолжали идти нормально. Ходили слухи о готовящемся восстании, не то анархистов, не то большевиков, но на это не особенно обращали внимание. Незадолго до большевистского переворота, офицеры Корпуса и Воронежского гарнизона сделали попытку объединиться. Двери кинематографа, в коротом они дол-

жны были собраться, оказались закрытыми, тогда они пошли в казарму запасного пулеметного полка, откуда им пришлось разбежаться, т. к. входившие последними были обстреляны из пулемета. Там был убит поручик, инвалид, прикомандированный к Корпусу как воспитатель. Его смерть не только поразила кадет, но и показала насколько было в городе опасным присутствие нескольких распропагандированных резервных полков.

Настала осень. В один из дождливых, холодных октябрьских вечеров в городе началась сильная стрельба, кто и в кого стрелял мы не знали, но в Корпусе погасили всюду свет, т. к. в освещенные окна стреляли. Всю ночь продолжалась стрельба и утром мы узнали, что власть захватили большевики. Старшие кадеты были возмущены, что они могли взять власть без всякого сопротивления, особенно со стороны офицеров. Оказали сопротивление только юнкера в Москве и Петрограде, где они защищали Зимний Дворец вместе с остатками Женского Батальона Смерти Марии Бочкаревой, и не трудно себе представить их ужасную судьбу, когда большевики ворвались во Дворец!.. Сразу в жизни Корпуса больших перемен не было, разве стало еще более голодно!

Появился новый комиссар из унтер-офицеров, который в отпускные дни сидел в вестибюле и кадеты должны были ему являться «по случаю отбытия в отпуск»!

Было предъявлено требование выдать какие-то пулеметы, которых у нас не было! Прошел слух, что собираются идти «громить Корпус» рабочие железнодорожных мастерских станции Отрожки, после того, как в музыкальном зале с открытым окном оркестр на сыгровке исполнил «Боже Царя Храни». Но что было печальной действительностью, это появление в один несчастный день в моей 2-ой роте, через черную лестницу, ведущую в наш сад, вооруженных до зубов, с пулеметными лентами через плечо, красногвардейцев. Была перемена между уроками и коридор был заполнен кадетами, особенно у дверей черного хода, где стояли параллельные брусья и наклонная лестница, окруженные любителями гимнастики. Дежурный по роте был подп. Паренаго, который приказал кадетам: «ни одного жеста!» и вот мы стояли неподвижно, лишь бросая злобные взгляды на красногвардейцев, поднявшихся на хоры Сборного Зала и выносивших оттуда похожие на гробы ящики с однозарядными берданками, заменившими в начале войны 5-ти зарядные 3-х линейные винтовки, изо-

бретенные кадетом нашего Корпуса, отправленные на фронт. Это был опасный момент для кадет и всего Корпуса!

Слухи о начавшейся на юге борьбе против большевиков и о формировании Белой Добровольческой Армии горячо обсуждались среди кадет и воспитателей и это вызвало столкновение с моим воспитателем подп. Б. В. Дьяконовым. На высказанное мною удивление, что наши воспитатели не только ничего не организуют из старших кадет, но и сами не едут на Дон в Добрармию, он разнес меня за то, что я обвиняю офицеров в трусости! Как известно на призыв широко откликнулись кадеты, вся учащаяся молодежь и очень слабо офицеры. Подп. Дьяконов поступил к большевикам!

Подошло печальное Рождество с такими же серыми каникулами, после которых далеко не все кадеты вернулись в Корпус, почти все донцы остались у себя, многие поступили в противобольшевистские отряды, некоторые погибли с Чернецовым, предательски зарубленным Подтелковым, которого потом казаки поймали и повесили.

Весною кадетами 1-ой роты была сделана попытка спасти наше Знамя. В один прекрасный день по Корпусу разнесся слух, что большевики, пришедшие отобрать Знамя, нашли в чехле, в церкви, где оно стояло на левом клиросе, простыню, намотанную на древко. Они рассвирепели и стали требовать его выдачи, грозя в противном случае изничтожить всех кадет вплоть до детей. Директор испугался, построил строевую роту и стал упрашивать кадет вернуть Знамя, т. к. на их совести будут все замученные первоклассники. Он был красноречив и говорил убедительно, т. к. несколько кадет 7-го класса поехали в город и привезли Знамя, которое было пронесено перед строем и, по соглашению с большевиками, оставлено в преподавательской комнате, перед дверью которой поставили кадет, вооруженных... карабинами для учебной стрельбы! Несколько кадетских Знамен были спасены и даже попали за границу. Честь и слава доблестным кадетам, которые в трудных и опасных условиях смогли сохранить свои святыни! Какова была судьба Знамени Воронежского Корпуса, я не знаю также как мне не известна судьба корпусного имущества, громадных запасов обмундирования, книг, корпусной церкви и тон столового серебра с Шефским вензелем, которое выносили из погребов в день Корпусного Праздника 8-го Ноября в день Архистратига Михаила. Впоследствии в

Корпусе был Воронежский Университет и возможно студенты в нем жили.

Огромное, внушительное здание Корпуса и все окружающие его флигеля, были совершенно разрушены бомбардировками во время 2-ой великой войны, когда велись жестокие бои за обладание Воронежем, который никогда не был занят немцами, но некоторые части города несколько раз переходили из рук в руки. Это мне было подтверждено, как русскими, так и немецкими бойцами, которые там были.

В корпусе рассказывали, что новый комиссар был ночью жестоко избит за воротами двора 4-ой роты, не знаю была ли это правда или это было общее желание кадет, которое они приняли за действительность, но во всяком случае мы больше не видели в вестибюле ненавистного комиссара, перед которым приходилось унижаться каждый отпускной день.

Затем пришел для нас самый грустный и тяжелый момент: было приказано снять погоны... Больших трудов стоило воспитателям и ротным командирам уговорить кадет выполнить это распоряжение и то, благодаря тому, что чувство дисциплины взяло верх над глубоким возмущением кадет. Без погон и кокард, в шинелях с пуговицами, обернутыми в черную материю, кадеты стали похожи скорее на каких-то воспитанников исправительных заведений...

В последний раз я видел мой родной Корпус в 1919 году, это был год его 75-ти летнего юбилея и год моего окончания, если бы не было революции, т. к. я был 68-го «юбилейного выпуска». Я вошел в Воронеж с конным корпусом генерала Мамонтова и, когда мы его покинули, я знал, что это навсегда...

Подошли переходные экзамены и летние каникулы. Кадеты распрощались и разъехались, не зная, что расстаются навсегда с родными стенами Корпуса и, что каждого ждала впереди трудная дорога, полная неизвестности, опасности и печальной действительности, вплоть до изгнания из своего Отечества и, для некоторых, трудная эмигрантская жизнь и часто горький хлеб в чужих враждебных и безразличных странах.

Г. Гуторович
в.-ун.-оф. 2-го выпуска
Русского Кадетского Корпуса.

О СУДЬБЕ ОДНОГО КАДЕТА.

На днях кончил читать объемистый роман Ф. Светова (видимо псевдоним) «Отверзи ми двери». Книга эта была написана в Сов. Союзе. Ее рукопись из Сов. Союза была переслана заграницу и недавно напечатана в Париже (изд. ИМКА Пресс). Описываемое в книге происходит в теперешней Москве, на фоне безрадостной картины жизни так называемого интеллигентного слоя столицы. Наряду с другими проблемами в ней много места уделено злободневному вопросу отъезда евреев из Сов. Союза.

Автор книги — как можно понять — еврей, и необычно то, что несмотря на это, он пытается беспристрастно подойти к еврейскому вопросу в России. Он говорит о несправедливостях и прегрешениях перед евреями в старой России, но одновременно говорит, причем не преуменьшая, и о всех прегрешениях и преступлениях перед русским народом, содеянных евреями в России после революции.

Книга вообще интересная, философски глубокая, написанная местами безусловно талантливо, в чем-то по-моему навеянная романами Достоевского. Но, конечно, в ней есть и крупные недостатки: длинноты, некоторая излишняя запутанность сюжета, чрезмерное нагромождение действующих лиц и т. д.

Я не буду вдаваться в подробности, т. к. моя цель не писать рецензию, а нечто другое. В этой книге я натолкнулся на один эпизод, затрагивающий нас, кадет, и вот об этом я и хочу поделиться с вами.

Одна из главных героинь, по имени Вера, русская, крещеная и даже верующая, жена готовящегося к отъезду в Израиль еврея, в пылу откровенности рассказывает о своем прошлом, которая она от всех, все эти долгие годы, скрывала. Как оказывается, она из старой семьи потомственных сельских священников. Ее дед, прадед и пра-прадед были духовного звания и все служили в том же селе Темирево Тамбовской губ. Умирая, они по традиции передавали свой приход своему наследнику.

Отец Веры не стал священником, его судьба сложилась поиному. В Первую мировую войну он мальчишкой, мечтавший о подвигах, из тамбовской глуши убежал на фронт. Там отличился, был награжден Георгием; был ранен и попал в столичный лазарет. Этот лазарет «навестила Государыня Александра Феодоровна» рассказывает Вера. Государыня из-за его

молодости обратила на него особое внимание. Как результат этого, было приказание определить его в кадетский корпус. И его жизнь пошла по-иному пути: «Он — сын сельского попика, — как продолжает Вера, — попал в Первый Московский Императрицы Екатерины Второй кадетский корпус, а во главе его генерал-лейтенант Римский-Корсаков». (Рассказывая и фамилию нашего «Деда» приводит. Видно и там он еще не забыт! Прим. Б. П.).

В октябре 1917 г. отец Веры был в седьмом классе. Там он пережил осаду корпуса большевиками. Передавая то, что ей перед смертью рассказал отец, Вера по-женски, несколькими штрихами описывает эту трогательную эпопею как «эти, еще детки, той глухой осенью закрылись в Лефортове со своими винтовочками...» А против них пушки. Пришлось сдаваться на милость победителя. Но тут нашелся добрый человек, их дядька, который им помог: «А у них дядька из солдат — классово свой победившему пролетариату. Он десяток оставшихся и вывел каким-то ему только ведомым ходом. Погоны с них сняли, кого смог переодел, и, минуя плац, здание Третьего кадетского корпуса, Алексеевского военного училища, через Яузовский мост как-то и проскочили. А дальше мимо Елизаветинского Института благородных девиц, по Вознесенской, что улица Радио теперь, мимо церкви Никиты Мученика, по Старой Басманной...» перечисляет Вера. (Какие знакомые, милые сердцу названия! Прим. Б. П.).

Так этот дядька спас их и вывел на свободу. Среди них был и отец Веры, который из Москвы пробрался на Юг, где ген. Алексеев уже начинал борьбу. Там в рядах Белых отец Веры оставался до конца Белой борьбы. Заграницу он не уехал, а остался в России. Во время Антоновского восстания он пробрался к своему отцу, о. Николаю, в свое село Темирево. (Тамбовская губ. как известно была центром этого восстания). В то время туда как раз приехал карательный отряд. Вера рассказывает дальше: «Во главе комиссар, как нарочно, еврей, на тачанке, в кожанке, перепоясанный пулеметными лентами, с красным бантом». На о. Николая донесли, что «он панихиду отслужил по расстрелянном бывшем Государе Императоре и всю семью поименно поминал». По приказу комиссара его выволокли на площадь, где комиссар приказал его распять. «Уже и крест начали вкапывать в землю». Туда же прибежал и отец Веры и бросился на колени перед отцом.

Вот как Вера описывает происшедшее:

«А отец мой, как встал на колени перед дедом, так и стоял, и старенькую кадетскую фуражечку в руках забыл, держит. «А это еще кто? — комиссар спрашивает, он на паперти сидел, маузером поигрывал. — «Из офицеров, что ль? Сыночек, тоже из длиннохвостых? Еще, что ли, крестик сколотить — поменьше?» Тут все замерли от ужаса, хорошо, бабки при том не было: она как деда повезли, так в беспамятстве и лежала дома».

Комиссар видно увидел, что переборщил в своем пролетарском правосудии и отменил распятие. Приказал отвести на выгон и там расстрелять.

— «Тащите их обоих на выгон, там и шлепнем!» — Ну, а дорогой мужики осмелели, загалдели: мальченка, мол, никакой не офицер, наш деревенский, с нами вместе гусей пас, дите еще! — «Ладно, говорит, у нас справедливость, чтоб наглядную разницу видели... Что мы сволочь что ли, белая, бандитская?.. Пусть ка встанет опять на коленки, как стоял, да поближе, поближе к попу и фуражечку свою офицерскую наденет. А я, мол, пушечку новую испробую, еще не обстрелял. Если есть Бог — гуляй (т. е. если он промахнется), да не забудь пролетарскую справедливость, а нет — не взыщи. Вот он — наш Бог», — и он маузером махнул. Отец рассказывал, он был как в беспамятстве, ничего дальше почти и не помнил: как его поставили, как к отцу прижался, тот его только перекрестил. А потом сорвало у него фуражку и глаза горячим залило — отцова кровь хлынула.

Так и забили моего деда. И тело не разрешил забрать. Ночью отец с мужиками вывезли, те уж тогда на своей тачанке уехали. Отец до утра над ним сидел, про что думал, не знаю, не рассказывал. А еще через день совсем уехал из Темирева».

Ему повезло. Он уехал далеко от своих мест, где его никто не знал и прожил там до своей смерти, скрывая свое прошлое.

Это новый вариант, у нас еще не описанный, жизненного пути одного русского кадета, пережившего Октябрьскую революцию, Белое движение и оставшегося в России, чудом уцелевшего во время подавления Тамбовского крестьянского восстания 20-21 годов. И что интересно, что все это написано в Сов. Союзе советским писателем.

Борис Павлов.

...Москва... Как много в этом звуке
для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось.
(Пушкин)

ДАЛЕКОЕ...

Далекое, далекое детство... Милое длинное здание 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса, вытянувшееся «в струнку» перед Лефортовским полем (теперь достроен еще один этаж и фронтон украшен колоннами). В центре здания широкое, веерообразное окно, через которое мы — малыши 4-ой роты, с завистью наблюдали публику — «на свободе», мечтая о вожделенной субботе... О, эта благословенная суббота — надежда всей недели, впрочем и унылое «предчувствие» схватившим «двойки» на неделе: не видать им отпуска! Но возвращусь немного еще к веерообразному окну в центре фасада. Как-то «завистливо» рассматривая движение по улице свежим, морозным днем, мы узрели, осторожно спускавшегося из подъезда по широким ступеням, нашего директора. Его яркие генеральские лампасы замечательно горели на фоне расчищенного снега добросовестным швейцаром (ах, на свою голову: мелкие ледяшки остались) — и вдруг алые полосы генеральских брюк взметнулись дугой, и... бедный директор сильно поскользнулся... Скверные мальчишки из веерообразного окна разразились хохотом. На наше счастье дежурный воспитатель был далеко в дежурной комнате — иначе нам бы досталось.

Помню наш высокий, светлый Сборный зал с громадными окнами, с белыми гофрированными занавесками. Окна выходили на внутренний двор, где мы зимой играли в снежки и лепили «баб», а в летнее время гоняли футбольный мяч, с риском «загнать» его в окна нижнего этажа квартир офицеров-воспитателей. Сюда же ко двору примыкал и внешний плац юнкерского училища, куда мы ходили в баню, и в зимнее время, распаренные, бодро шагали назад по чудному, московскому морозу, немилосердно щипавшему за растопыренные уши. Были мы тогда еще малыши, т. е. «зверями сугубыми» — «нечесанными и не бритыми, без английского пробора на кончике пушистого хвоста... Имеем честь явиться Вам, благородный корнет, и пожелать Вам и т. д.». Но вот наступал экзамен для получения погон — ровненьких как дощечка: как мы любовались ими, и как горько подставляли наши пле-

чики вылавливавшим нас старшим кадетам, «выправлявшим» эти погончики в волнообразную дугу — такова была мода. Потом старшие кадеты мечтали о золотых нашивках на погонах — но их надо было заслужить. Наш вензель Государя Александра Второго желтел на белом поле с голубым кантом. Это белое поле, с синевой вокруг, определялось соседними корпусами, как «кислое молоко», но мы не оставались в долгу, и красное поле соседнего корпуса определялось, как «тухлое мясо» — это было похуже. Но возвращаюсь к нашему парадному подъезду. Сколько он видел юных, радостных лиц, взбегавших, или спускавшихся, по его ступеням, но бывали и другие лица, с щемящим и горестным чувством разлуки, с отъезжавшими в провинцию родителями после каникул. А в общем — выпархивали мы из этого подъезда в благословенные субботы на бодрящий, веселый мороз (такой он был «всегда» по субботам). Сперва он доносил чудесный шум приближавшегося трамвая № 24, с веселым визгом и искрами под дугой, подлетавший к остановке напротив, и этот милый трамвай уносил нас, повизгивая и позванивая, в манящую, морозную даль города. Потом мороз нас дарил бриллиантовыми переливами роскошных витрин, визгом санных полозьев извозчиков, и их причмокиванием и покрикиванием на бегущих лошадей, пофыркивающих паром. Мороз доносил глухой говор прохожих и поскрипывание мерцающего снега, и шелест отлепившихся уголков афиш Большого театра, призывающих на завтра к утреннему спектаклю; этот же мороз дразнил витринами кондитерских, и тут же немилосердно больно щипал за нос и уши. А вот юнкер повис на ступеньках переполненного трамвая. Ах — штык с ремня оборвали ему в тесноте и он мягко полузарылся в снегу, а трамвай умчал юнкера в морозную даль. Бедный юнкер вернется без штыка завтра в училище. Испорчен весь отпуск. Ай-ай! Придется у кого-либо занять штык при «явке» дежурному офицеру. А дальше — как?

Но кадет «выполняет свой долг по оружию» — бросается на дорогу, при тревожном свистке городового, и в воскресенье вечером передает его своему дежурному офицеру.

Неумолимо приближается вечер отпускного воскресенья. Теперь безжалостный мороз дерет уши и нос, забыв свою вчерашнюю приветливость. Наростает унылый лязг противного трамвая № 24. Он «услужливо» останавливается, он слишком быстро подставляет свои обледенелые ступеньки, он

надрывает сердце своим позваниваньем, он «тянет» куда-то в ночную мглу. Визжат колеса и электрические вспышки под дугой уныло обнажают заснувшие витрины магазинов. Через морозные елочки окна проплывают поздние прохожие с поднятыми воротниками, и нагоняемые сани вдруг отступают. Ах — не вернуться ли назад вместе с этими уплывающими санями домой? Вот так — выйти и взять этот противный № 24. Неуверенной походкой добрести до дома, где остановилась мама, и с отчаянием нажат кнопку звонка... Будет переполох, испуганные глаза родных. — «А мама запоздала — ты знаешь, и теперь поехала вслед за тобой». Какой ужас — она приедет в корпус, а меня нет... А вот еще на обратном пути попадется офицер. Надо подняться и откозырять. «А куда ты едешь так поздно в воскресенье один?» Ах — он знает все правила и часы!

Прочь искушенье. Открывай эту дверь, такого вчера веселого подъезда, развязывай замерзшими пальцами тугой башлык — вот никак не вытащишь его хвостики под погонами. «Являйся» дежурному офицеру за высокой, стеклянной перегородкой дежурной комнаты, отделяющий зал.

Воскресная поздняя, вечерняя тишина в зале. Не все лампы горят. Старшие кадеты еще не вернулись. Оставшиеся кадеты забрались в уголок класса, или возле кафельной, зальной печи: читают книги из ротной библиотеки. Это все те, кому некуда поехать в город, или вот — оставлены без отпуска по тем, или иным причинам. Возвращающимся из отпуска сперва надо перед дежуркой обогнуть «зеленую лампу». Она свисает на длинном шнуре и бросает полутени возле себя. Под лампой маячат две-три фигуры с книжками в руках. Они «трудолюбиво» разделяют тоскливое одиночество дежурного офицера за перегородкой. Но, увы, это «штрафное» трудолюбие: что-то они раньше набедокурили и остались без отпуска или просто наказаны. Под зеленым абажуром ярко опускается пучек света. Тишина. Потрескивают дрова в большой печи: оранжевая полоса из поддувала косо протянулась по узору паркета, зацепилась за ножку гимнастической «кобылы» и уперлась под веерообразное окно за которым в морозном небе мерцают звезды и наплывают шумы одиноких вечерних трамваев... Стоящие под лампой делают незамечающий вид перед возвращающимися из отпуска счастливцами. «Подумаешь, очень нужно им было отмораживать уши и носы, а здесь вот тепло и спокойно». Однако косились на оставлен-

ные свертки и коробки на скамейке пока отпускные «являлись» дежурному. Но по-товарищески и им что-то перепадет потом от отпускных, и в приглушенных ночных абажурах спальни будут они тихонько шуметь конфетными бумажками и хрустеть сладостями, поглядывая на дверь дежурной комнаты. Это товарищество так трогательно, особенно для тех у кого мама и папа далеко в провинции и посылки не приходят часто. М. б. приснится и родной дом, и все милое сердцу...

А рано утром, когда еще плотные занавеси на высоких окнах хранят тишину, переливчатые звуки трубы несутся по коридорам, подымая сонную ватагу, спешащую в умывалку. Надо хорошенько почистить задники сапог — будет потом при утреннем осмотре дежурного офицера команда: «первая шеренга — вперед, отставить каблук». А в отпускной осмотр надо следить за медными пуговицами и поясными бляхами особо. Для пуговиц существует особое «сооружение» — «Гербалка» — линейка с прорезом по середине и круглым отверстием, куда нанизываются пуговицы и продвигаются в прорез, и яростно начищаются меловым порошком. Но о поясной бляхе надо сказать особо. За толстыми, массивными бляхами, с особым красноватым оттенком меди, старшие кадеты «охотятся» — выменивают их у «зверей» различными путями, при чем «звери» не особенно охотно воодушевляются такими менами, хотя иногда и приходится соглашаться. И тут есть еще особый вид спорта: бьют ребрами бляха о бляху — чья зазубрится, тот и проиграл в качестве бляхи. Крепкие бляхи выискивают и у каптенармуса на складе вещей. Вообще такие бляхи подобны «битням» в игре в ладыжки: некоторые ладыжки выдалбливаются и туда вливается олово — ладыжка становится тяжелой и сокрушает вдребезги ряды других ладыжек, покорно ожидающих своей участи, пока не раскроется хитрость нападающего. Но вернемся к утреннему распорядку. Вот снова запоет труба, или рассыплется барабанная дробь, по переменным дням, и надо спешить выстроиться в ротном зале и, после осмотра и молитвы дежурного кадета перед ротной иконой в большом дубовом, резном киоте — усаживаются за чай. Рядами стоят столы с фаянсовыми кружками на которых монограмма корпуса и т. н. «французская» булка, но меньшего размера. И вот об этих-то булках надо сказать. В предвечерние часы приготовления уроков — на втором уроке, присутствует офицер-воспитатель, и без разрешения никто не может выходить из

класса. Вот этим-то обстоятельством и пользуются некоторые хитрецы. У них вдруг появляется необходимость покинуть класс. «Разрешите выйти». В зале идет приготовление к вечернему чаю с ужином. «Дядьки» — обычно один, или два, в полусумрачном пока освещении, тихо расставляют приборы, кладя у каждого французские булки. И вот эти хитрецы из класса, незаметно от «дядек», мимоходом, быстро перекладывают, как им кажется, лучшие булки (хотя на кухне машина одинаково режет тесто) на места, где они расчитывают сидеть, но расчет не всегда оказывается правильным, и тогда стоит посмотреть на их физиономии... С этими булками существует и особое, дополнительное, кадетское «приготовление» гурманов. Часть своих булок запрятывают в карманы и потом зажимают их на своих партах, подняв крышку, и усаживаясь на нее: получается этакая лепешка, уплетаемая почему-то с особым вкусом.

А есть еще и такие «гурманы»: в карманы запрятывают железные коробки и украдкой наполняют их со своей тарелки каким-нибудь гарниром — рисом ли, макаронами, картофельным пюрэ, что на сегодня включено в меню, а когда позволит время, сидя на корточках у полураскрытой топки какой-либо печки в роте, или в классе, разогревают или поджаривают по своему вкусу, содержимое — с оглядкой на дежурного воспитателя.

Особенно это занятие выглядит как-то уютно по субботам, в сумерки, и практикуется с особо тщательным вниманием оставшимися почему-либо без отпуска. Так они, видимо, психологически, занимают себя и отвлекают грустные мысли. Не только этим занят оставшийся в корпусе кадет (бедняге, может быть, и некуда поехать — никого у него нет в городе). В роте есть хорошая библиотека, и в субботу, взяв хорошую книгу, о которой мечтаешь всю неделю и, расположившись уютно возле тех же печек в классах, или в ротном зале, читаешь запоем «Детей капитана Гранта», или о «Наутилусе», «Хижину дяди Тома», «Таинственный остров», или «Всадника без головы». Ну, это совсем для малышей. В более старших классах есть и научные книги в популярном изложении, повести и рассказы. Однако добираются кадеты и до «запретной» литературы, пестревшей в то время по киоскам, поражая детское воображение «страшными» картинками, всякие «Пинкертоны», «Ник-Картеры» и «Шерлок Холмсы» (запретность» ее не такая страшная, когда подумаешь — ЧТО теперь

преподносит телевизия и книги). Вот тут надо было быть осторожным: брошюрка вкладывалась в какую-либо книгу, и один глаз ее читал, а другой посматривал за местопребыванием дежурного офицера...

Однако у нас сегодня — баня. Надо собираться в соседнее юнкерское училище. Держа под мышкой в трубочку свернутое чистое белье, весело устремляемся по деревянным мосткам плаца, если грязно, или снежно, в отдельный флигель-баню, откуда доносятся задорные визги и вопли очередной партии моющейся компании и вырываются клубы пара, когда открывают двери, наполняя мыльным запахом весь плац. Шайки с горячей водой, в пару, гоняются друг за другом, сталкиваются и разъезжаются, скользя, среди мелькающих, босых ног. Эти шалости невозможно регулировать дежурному. Он потом садится на табуретку среди пара, на подобие некоего Оракула, и перед ним, в затылок, выстраиваются распаренные тела, по которым он проводит пальцем, и если под пальцем катаются шероховатости — гонит такое распаренное тело «домываться». И как весело вываливается вся эта компания на морозный воздух, как с хохотом, стряхивают снег с опустившихся веток за шивороты зазевавшихся, и ветки упруго устремляются вверх, освободившись от тяжести, и дерево потревоженное вздрагивает в своей снеговой задумчивости.

И так бегут дни и недели и месяцы. Калейдоскопом сменяются лица преподавателей, и среди них — миловидная, изящная супруга директора, совсем не подходящая своему, как кубышка, супругу, любившему в знак благоволения, согнув указательный палец, култышкой слегка ткнуть какого-либо кадетика в лоб.

Но вот — приближается декабрь месяц, месяц Рождественских каникул. В мечтах уже дом, родные, елка — и эти Рождественские святки, чарующие своими увеселениями, катанием на санках, милыми гостями... Учащаются подготовительные письма из дома. Из глухой провинции, но такой милой, родной, связанной незабываемыми впечатлениями раннего детства. Вот и мама приехала, наконец. Выдается все новенькое — брюки, мундирчик, шинель и даже раздобылась новая, толстая поясная бляха о которой раньше была речь. Пополняется отпускной билет. Ах, этот замечательный бланк — чудный, милый! На обороте что-то написано: «объясняю-

щее», «предупреждающее», «нравоучащее»... А кто из нас это будет изучать?

И вот уже перед дежурным воспитателем стоишь на вытяжку с радостной физиономией. Туго затянута шинель и хвостики башлыка аккуратно пропущены под погоны (зависть провинциальных мальчишек, и моя гордость). Дежурный поворачивает спиной: не забыл ли пропустить пояс за хлястик шинели. Крутой поворот кругом — и неудержимый «полет в Рождество»...

Мама ждет в приемной. По широким, мраморным ступеням круговой лестницы с первого этажа, устремляешься через стеклянную дверь подъезда при ласковой улыбке швейцара. Скорее, скорее на этот № 24. Трамвай летит по милой, заснеженной Москве. Зубцы Кремля поседели в инее и в морозную высоту ушел «Иван Великий». В его золотой шапке искрится солнце. Искрятся всевозможными красками предрождественские витрины. Поскрипывает снег под ногами прохожих, заполнивших улицы рождественскими заботами, и исчезающих в магазинах, возле которых стоят зеленые елочки, колоритно выделяющиеся на фоне снега. Берем извозчика и едем на Курский вокзал. Его лошадка встряхнулась од долгого стоянья, а подбородок и ушки покрылись пушком инея. А вот и площадь перед вокзалом. Где-то справа пыхтят и ударяют звуки какого-то парового молота и я каждый раз узнаю и радуюсь этим звукам. Ах этот милый Курский вокзал! Громадный зал полон народа. Веселые паровозные гудки врываются через открываемые двери вместе с чудесным ароматом каменного угля. Буфетные звоны тарелок и стаканов и белоснежные скатерти столиков с разлапистыми пальмами возле них — как все это возбуждает дорожный аппетит! На кассе протягиваю отпускной билет — волшебный билет. Мама берет сдачу — и вот мы на перроне. Поезд уже ждет нас. Крутится легкими струйками пар где-то под колесами и шипит; зеркальные стекла окон искрятся морозными звездочками от невысокого солнца. Впереди — стальное чудовище. Оно ритмически дышит тонкими струйками пара и еле сдерживает себя, чтобы не ринуться в морозную даль упругой, острой грудью и длинным телом на громадных колесах, вращаемых красными лапами. В купэ тепло — не надо оттаивать дырочку на стекле, как в трамвае и мама не будет беспокоиться, что простужу горло.

Вижу через окно: вот степенный толстяк отдуваясь, тащит набитые два чемодана, за ним, еле поспевая, семенит ножками высокая и худая особа, видимо его жена, тащит за собою пуделя — ему наступают на лапу и слышно даже через стекло окна, как он визжит и особа подхватывает его на руки; вот спешат два взрослых кадета, но другого корпуса — замечают меня, и с улыбкой даже мне козыряют: нас объединяет общее чувство радости поездки; вот у миловидной девушки выскользнула муфта, но тотчас была поднята и галантно вручена ей молодым человеком в форменной фуражке: на секунду оба обменялись улыбками, но его кто-то окликнул из публики, высоко подняв руку. Второй звонок ускорил движение всех фигур на перроне, и это было смешно. Звонок третий — и поезд плавно отошел от перрона, ускоряя ход. Всех, кого было видно сперва из окна, стало относить назад. Наплывали новые лица, но и их относило. И все эти люди, как-то беспомощно вдруг, остались на месте, посылая прощальные приветствия...

И вот уже мерно рокочут колеса вагонов, перебивая такт на стрелках путей с черно-белыми фонариками и этот рокот начинает усыплять меня... И теперь кажется, что кто-то в окне, как в волшебном фонаре, сменяет картинки то закутанных снегами полей, то уснувших молчаливых лесов. Проплывают сторожевые, железнодорожные домики, так похожие друг на друга, возле них клубами сложены почерневшие шпалы, занесенные снегом; по дворикам круто раскачивается по ветру заледеневшее стиранное белье; предвечерне нахохлились куры у нашестей и, порою, собаки разделяют со своим хозяином-путейцем сторожем с флажком, мимолетную встречу поезда, проносящегося в темнеющую, морозную даль.

Покачивает вагон. Однообразно рокочут колеса. Блаженный сон закрывает глаза... Не знаю когда, но мама ласково проводит рукою по голове и я просыпаюсь. Скоро наша милая Тула. И вот она! Плавно к окнам подходит перрон: видны уже улыбающиеся, выискивающие лица, спешащие за останавливающимися вагонами. Выходим не надолго в ресторан. Там все тот же шумливо-веселый гул вокзала, врывающийся приглушенно из зала.

В ресторане все те же «тульские пряники» и «калужское тесто» расположились в застекленных шкафах за стойками, и незабываемые горячие пирожки с мясом, с хрустящей темно-коричневой кожицей, обжигающей губы, подаются по

столам. И вот — чудо Тульское: неизменно и величественно, над всеми белоснежными столиками и пальмами, возвышается «титанище» — самовар, с фабричными медалями знаменитой фабрики Тульских самоваров, Баташова. К самоварищу приставлена лестница, чтобы можно было взобраться и ведрами наполнять его чудовищную утробу. Это самоварище, что-то вроде «царя-колокола», или «царя-пушки» в Кремле, навсегда поразило мое воображение. Вот так же, как громадная реклама в московских «Сокольниках» при входе в парк. Эта реклама изображала франтоватого молодого человека с лицом разочарованного жизнью Печорина с приставленным к виску револьвером: нажать курок — и все кончено... Но под этой ужасной сценой сообщалась невероятная радость: ОСТАНОВИСЬ, БЕЗУМЕЦ, И ПОМНИ, ЧТО НА СВЕТЕ ЕЩЕ ЕСТЬ ТАБАЧНЫЕ ГИЛЬЗЫ — «КАТЫК»! И я запомнил эту «радость» на всю мою жизнь. Кто не знал из москвичей, об этих гильзах. К сожалению этой радости я никогда не испытал, т. к. не курю.

Напившись чая из «Богатырища российского», с обожженными губами от мясных пирожков, мчимся в вагон. Уже близка наша станция. Начинается суетливое запихиванье мелких вещиц.

И вот — остановился поезд. Родная, милая станция — ничем не примечательна. На перроне провинциально тихо. Наш паровоз, тяжело дыша, тонкой струйкой пара, дрожит в остановившемся беге: он ждет пока мы выйдем. Милый, дорогой друг, — спасибо тебе. Мчись дальше благополучно в морозные просторы — делай све дело. За далеким лесом давно угас закат. Галочьи стаи уже шумно усаживаются на долгую, долгую зимнюю ночь. В морозной вышине бриллиантами дрожат звезды. Сильно морозит. При выходе со станции, при слабом свете, падающим желтыми пятнами из окон в морозном тумане, видны силуэты сгрудившихся крестьянских саней с притихшими лошадьми. Бурый, умятый снег под ними усыпан клочками сена и навоза. На заиндевевших, покорных их мордах приделаны мешочки с овсом. Лошади изредка кивают, поддавая себе корм. Среди них сразу увидел наши широкие сани — «розвальни», приспособленные к дальнему путешествию в снегах, покрытые ковром и с меховыми шубами — «дохами».

Коренной, с двумя пристяжными, все с «дерюгами» — покрывалами на спинах, глухо позванивая бубенцами, поскри-

пывая полозьями, проскользнли к выходу. Впереди розвальней, крепко закутавшись, сидел наш добродушный кучер, коренастый и бородатый и, придерживая лошадей вожжами, неуклюже ступая в валенках, вылез приветствовать нас. Дорогие, родные мои друзья с заиндевевшими усиками на подбородках и седыми от мороза ушками, — вы долго, несмотря на ваши «дерюги», мерзли, ожидая меня, переступая с ноги на ногу. Озябшие галки сновали деловито под вашими ногами, лениво отскакивая от ваших копыт и пятясь бочком, продолжали выкапывать упавшие зерна овса. Потом, в глубоких, лиловых сумерках, они отправятся к своим товаркам, предусмотрительно занявших лучшие места на ночлег на ближайших деревьях, осыпая в своей галочьей возне столпы снежной пыли. Мне надели валенки, закутали в недра глубокой дохи и погрузили, как куклу, в розвальни. Раскатываясь по сугробам, подталкиваясь на замерзших кочках, мы понеслись в заснувшую, морозную даль полей... На горизонте тянулась черная полоса «Засеки», таинственного леса, «засекавшего», как говорили, нашествие татар.

Где-то тут, недалеко, и «Ясная Поляна» — там домик дедушки Толстого. Вероятно пишет еще, несмотря на очень поздний час, рождественскую книжку для детей. Я потом найду ее и под своей елочкой, где будет терпко и чудно пахнуть од подгоревших зеленых иголочек. Так уютно будет забраться под свисающие, разноцветные шарики, хлопушки и гирлянды серебряных и золотистых нитей. Там, у корня елки — в кадушке, снова можно будет «развернуть строй» давно ожидавших в длительном отпуску моих солдат с грозными орудиями. Они будут охранять Дедушку-Мороза. Высокий воротник дохи совсем закрыл лицо.

Пахнет немного шерстью и она щекочет нос и губы. Иногда за ворот врываются колюче-холодные снежинки, оставляя влажный след на лице. В маленькую щелку шерсти видны темные, снеговые равнины и Сириус холодно переливается громадным бриллиантом в созвездии Большого Пса. И среди этой снеговой пустыни мысль вдруг переносит в Москву.

Что-то там в нашем корпусе? Классы затихли, и одинокий зал смотрит сиротливо пустынными окнами на улицу. Большинство кадет разъехалось, но кто-то и остался: им некуда ехать, или по дальности дома, или и дома у них — сирот — нет. Но их не забудут. Будет елка, будут танцы, будут подарки. Педагогический персонал разберет их по своим квар-

тирам и, сколько возможно, лаской заполнит тоскующее сердце малышей. А мы привезем им хороших вещей, и детские руки, вместе с нами, будут раскрывать шуршащие пакеты, объединяя нас в одну кадетскую Большую Семью на будущих жизненных путях.

— Ты заснул, — спрашивает мама. — Н-е-ет... Но что-то безотчетно грустное тихо коснулось сердца... Проплывают в санном беге заснувшие деревни, изредка в окошке мигнет одинокий огонек под соломенной крышей, накрытой шапкой лилового, ночного снега. Приглушенный рокот бубенцов. Слипаются глаза. Мерещится тепло и уют дома... Бубенчики... И рядом — большое, самое большое в мире счастье — МАМА...

В. Голунский.

«Две-три весны, младенцем может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья.
Они прошли...»

(Пушкин).

В наше жестокое время «сентиментальность», «романтика» — не всегда находят подобающее место в обществе, и даже в семье.

Облагораживающее, абсолютное понятие КРАСОТЫ, оспаривается и разлагается, и захлестывается мутью — будь это в области Литературы, Поэзии, Музыки, Живописи, Ваяния, Архитектуры и даже Прикладных искусств.

На фоне волнующих проблем современности мой «сентиментальный» очерк — «ДАЛЕКОЕ» — у кого-то м. б. вызовет «пожатие плеч».

НО мои скромные строки я посвящаю

НАШЕЙ БОЛЬШОЙ КАДЕТСКОЙ СЕМЬЕ.

В. Г.

ВЕРМУТ — ЧИНЗАНО

Ты грустишь, что завтра будет день туманный,
Что дождем холодным захлестнет панель...
Хочешь: мы закажем вермута-чинзано
В розовых бокалах золотистый хмель?!

И совсем не правда: осень в Сан Франциско,
Дождь, что барабанит в мокрое окно,
Старость, что подкралась незаметно близко...
Хочешь вспомним правду? — Отхлебни вино!

Видишь: по зеленой мы идем равнине,
Между виноградных Умбрии холмов.
В солнцем разогретый аромат полыни
Влился пряный запах моря и цветов...

В небе неуемный звонкий щебет птичий
И над всем ликует лучезарный свет...
Здесь воздушный облик кроткой Беатриче
Обессмертил Данте пламенный сонет...

А за поворотом видны башни Пизы,
Над рекой зеленой — арками мосты
И домов старинных стены и карнизы
Гроздьями глициний густо залиты...

Солнце зацелует сердца злые раны,
Душу ароматом обовьет апрель,
Оттого, что в каждой капельке чинзано
Заключен певучий, итальянский хмель!

М. Н. Залесский
Донского Кад. Корпуса

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛУРОТЫ 2-ой и ПОЛНОСТЬЮ 3-ей РОТ ИЗ АККЕРМАНА В ОДЕССУ.

30 января, пробыв около суток в Аккермане, ставшим румынским, корпус вернулся в Овидиополь. Дети и отроки кадеты, изнуренные физически и потрясенные, сломленные нравственно бесчеловечным, зверски-жестоким, грубым и совершенно непонятным злодеянием их вчерашних союзников румын, предавших их на Голгофу страданий, как-то не отдавали себе отчета в происшедшем. Они разбрелись отдельными группами по Овидиополю. У всех было лишь одно желание — спать!

На рассвете 31-го января полурота 1-ой роты, со своими офицерами под командой подполк. Рогойского, ушла на соединение с отрядом генерала Бредова. Мы, около 40 кадет 2-ой роты, с полковн. Овсянниковым, остались в Овидиополе. Как объяснил нам полковн. Овсянников, нас не могли ночью найти и во-время разбудить, поэтому мы и остались. Утром 1-го февраля Овидиополь был тих и пуст. Воинских частей и военных не было. Местные жители позакрывались в домах и только изредка, кто-либо прошмыгнет, да бабы у колодцев, осторожно озираясь по сторонам, что-то шопотом одна другй говорили.

После шума и гама предыдущих дней, тишина создавала атмосферу чего-то страшного и рокового, будто что-то неизвестное висело в воздухе. Каждый из нас, оставленных на произвол судьбы, чувствовал себя обреченным. Каждый думал: «что будет, когда нас встретят большевики, что с нами сделают и почему нас здесь оставили голодных, холодных и никому ненужных?» Разве 2-3, пусть даже 5 десятков кадет возрастом от 14 до 16 лет могли помешать движению отряда? Наши однокашники, как Авраменко и другие, доблестно сражались с конницей Котовского. Мы также сумели бы сражаться.

И так, мы, «обреченные», как «блудные овцы» под командой, а точнее под надзором седого, как лунь, полк. Овсянникова, бывшего командира 2-ой роты Полочан, двинулись дорогой по направлению к Одессе. Мы шли одни своей небольшой группой. Малышей 3-ей и 4-ой рот мы не видели. Ушли ли они раньше нас, или же еще задержались в Овидиополе, мы не знали.

Пасмурное, относительно темное утро. Вдали, где-то около города Маяки, артиллерийская стрельба. Вероятно наши встретились с большевиками. Каждый из нас оглядывался, чтобы бросить последний взгляд на место нашей трагедии — Овидиополь, широкий Днестровский лиман с замершим «гостинцем» — румынским снарядом, пробившим лед и далекий на горизонте Аккерман. Вспомнилась чистая теплая школа в Аккермане, лица дам, кормивших нас там и кошмар ночного подъема румынскими солдатами с криками, пинками и ударами прикладами и пулеметы во дворе... С этими мыслями мы двигались молча беспорядочной толпой, с поникшими головами. Все нас оставили, но старичок, полковник Овсянников, был с нами. Он не оставил своих детей. Недалеко от Овидиополя, возле дороги, попалась какая-то небольшая роща — немного деревьев и кустов. Свернули в рощу и остановились: все почувствовали, что наступил самый больной, самый трагический этап нашего пути — «снятие погон».

Каждый понимал, что это необходимо, но никто не мог решиться сделать это первым. Ждали и смотрели на полковника. Он молча, снял шинель, достал из кармана перочинный ножик и стал срезывать пуговицы и снимать погоны. Побледнел, руки дрожали. Мы, молча, со слезами на глазах, делали то же. Каждый хотел пару погон спрятать на память. Кто в ботинки или за голенища сапог, кто в брюки, но большинство отпарывало подкладку в рукавах шинели и туда прятали. У всех осталось по паре погон. Что делать с остальными, куда их спрятать? Нашлись спички и на маленьком костре мы их сожгли, дабы никто не смог их профанировать. Вместе с погонами мы распрощались навсегда с нашей кадетской жизнью, нашими верованиями, надеждами и мечтаниями. Остались лишь страдания и боль. Посидели, покурили, надо идти, но никто не хочет отойти от костра, где сгорало наше дорогое, лучшее.

Наконец полковник Овсянников встал и твердым голосом сказал: — Пойдем, ребята, не унывайте! Вы погоны носили несколько лет, а я несколько десятков лет. Тяжело это, но нужно пережить. Помните! Я всегда останусь полковником, а вы кадетами. Носите всегда в душе ваши Заветы!

Краткая речь, но глубокая! Все молча встали и толпой пошли. К вечеру пришли в немецкую колонию Большая Акаржа. Неделю тому назад здесь мы ночевали, идя с надеждой в Румынию. Разбрелись по домам. Немцы нас накормили и

мы спокойно переночевали. Утром опять собрались и побрели. Первое напряжение нервов миновало, и каждый будто смирился с участью, кой-кто повеселел, начались шутки. Хондажевский достал из футляра балалайку и заиграл. Он был балалаечником-артистом и никогда с ней не расставался. Засветились глаза, заиграла улыбка, всем стало веселее. Идя, посматриваем вперед, ожидая встречи с красными.

Пришли в Люстдорф. Красных здесь еще не было. Немцы нас встретили с удивлением, но приняли гостеприимно: накормили, и мы переночевали. Утром опять собрались, но уже без веселья и шуток, а с опасением в сердцах, двинулись навстречу неизвестному будущему, какой-то новой жизни, за пределами корпусной семьи. Между Люстдорфом и Большим Фонтаном увидели мы в чистом поле советскую заставу: большой красный флаг, пулеметная тачанка и несколько конных и пеших красноармейцев. Остановили нас, стали опрашивать: «Кто? Куда? Откуда?»

Полковник Овсянников вышел вперед и стал объяснять командиру заставы. Красноармейцы нас окружили; стали с нами разговаривать и смеяться. Враждебно сначала к нам не относились, но, узнав, что мы кадеты, стали ругаться и угрожать, что нас, «белогвардейскую шпану» надо всех расстрелять. Стали нас осматривать — можно ли что-либо взять. Один из конных заинтеерсовался футляром Хондажевского. Балалайку взял себе, футляр вернул. Бедняга, даже заплакал. С нею он никогда не расставался, имея ее с первого класса. Прекрасный инструмент — разыгран. Был мастером игры и часто нас веселил. В это время разговоры полковника Овсянникова с командиром заставы кончились и мы, в сопровождении одного конного, направились в Одессу в здание нашего Корпуса.

По дороге мы, интересуясь своей судьбой, спрашивали красноармейца, что будет с нами. Он был парень неплохой. Чувствовал себя господином положения. Шутил и пугал нас, говоря, что доведет до корпуса, а что будет дальше, не знает. Но нас «белогвардейскую шпану» надо расстрелять. Мы, собственно, ничего не чувствовали. Мы были измучены, а нервы расстроены. Шли опустив головы, ничего не думая. А что мог думать 16-ти летний мальчик в таком положении? Идем знакомыми местами: восьмая станция, седьмая, пятая и, вот начлаись лагеря и большое поле, а за ними корпусной лагерь и наше здание. Прохожие с удивлением останавливались и в недоумении смотрели на нас, крестясь и крестили

нас совершенно так, как нас провожали 25 января. Вот мы уже в ограде корпуса. Кто-то нас ведет вдоль здания и приводит через черную лестницу в помещение 2-ой роты. В спальне мы размещаемся. Есть кровати с матрацами. Принесли одеяла. Опять началась новая жизнь в холодном, неотапливаемом помещении. Три раза в день мы ходили в столовую питаться. Утром — кусок черной замазки и жестяная кружка чая; обед — тарелка мутного, без определенного состава супа и немного ячменевой каши; ужин — кусок хлеба и чай. Жили, ожидая решения нашей участи. Никуда не ходили и, казалось, никто нами не интересовался. Когда вернулись в корпус 3-я и 4-я роты, не помню. Постепенно кадет становилось все меньше и меньше. Живущие в Одессе возвращались в свои семьи или к хорошим знакомым.

Под конец, в здании корпуса остались иногородние и сироты, которым некуда было деваться. В офицерских флигелях жили семьи наших офицеров и много посторонних офицеров. Не помню всех, но помню полк. Овсянникова, Кобылина, Снитко и Бышевского — все Полочане, семью полковн. Орлицкого. Вскоре я заболел возвратным тифом. Начались приступы с потерей сознания. Кроме товарищей, а особенно Миши Терехова, всегда бывшего возле меня, большую заботу и помощь оказал полковник Василий Сергеевич Кобылин. Золотая душа. Как родной отец, приносил пищу, все время заботясь обо мне. Всегда у него было доброе слово. Как-то раз пришел доктор, осмотрел, послушал, дал каких-то порошков — и все. На первом этаже нашего здания и в помещении 1-ой роты находился советский госпиталь. Я очень боялся туда попасть. Все говорили: — кто туда попадал — выходил мертвым. Я просил доктора, чтобы меня не переводили в госпиталь. Он обещал и просил, чтобы никто из товарищей не говорил, что среди них есть тифозный. Так я и остался среди своих друзей. Ночью хотелось пить, но в кружке вместо воды был лед. В один из таких дней чувствую, что кто-то надо мной склонился. Открываю глаза и не верю: вижу лучшего своего друга Васю Фролова. Первые мои слова: — Вася я тифозный. Он прижался ко мне со слезами на глазах. Зная, что он ушел из Овидиополя с подполк. Рогойским, я стал его расспрашивать. как там было и как он к нам сюда попал. Вася все рассказал: о бое под Канделем, как некоторые ушли в Румынию и как он попал в плен. Как покончил жизнь подполковник Рогойский, Стессель с женой и другие.

Его, вместе с другими пленными, везли в поезде; в Раздельной ему удалось отделиться и он, приехав в Одессу, сразу пришел к нам. Постепенно нас становилось все меньше и меньше. Разъехались и иногородние. Нас, чьи родители жили далеко, и круглых сирот, осталось мало и в марте нас перевели из здания корпуса в одну из свободных квартир в офицерском флигеле. Спали мы один возле другого на полу. Теснота страшная. Меня, как тифозного, положили отдельно возле дверей. Полковник Кобылин ежедневно навещал меня, принося еду, и говорил: — Не унывай Арцюшкевич, мы тебя не оставим. Так мы прожили не долго, не помню точно, возможно, до второй половины марта. В один прекрасный день нам объявили, что «кормить нас больше не будут и мы можем убираться, куда хотим». Это распоряжение моментально проникло в город. В городе тайно организовался родительский комитет и нас, никого не имевших из родных и знакомых в Одессе, стали распределять по семьям, желающим нас принять. В течение 2-3-х дней всех разобрали. Остался я один — тифозный. Так как есть мне больше не давали, то полковник Кобылин регулярно приходил ко мне, принося еду и уверял, что меня не оставит, говоря: — Не бойся, я тебя возьму к себе.

Так прошло несколько дней. У меня начинался третий приступ тифа с болью в левом боку. Впоследствии у меня оказался плеврит. Я считал, что приходит мой конец, но случилось чудо. Поздно вечером слышу разговор. Ко мне подходит неизвестная мне дама в сопровождении кадета. Наклоняется ко мне, спрашивает, как я себя чувствую и сообщает, что хочет взять меня к себе. Одели меня, вывели, посадили на извозчика и долго везли. Под руки ввели меня на второй этаж. Раздели меня, вымыли в теплой ванне, дали чистое белье и уложили в чистую кровать. Невероятное совершилось. Я очутился среди сочувствующих людей. Уход, питание и я стал поправляться. Моей доброй феей оказалась Мария Афанасьевна Бельтаки. В ее квартире жил с семьей генерал Владимир Иванович Черкас.

Так как Мария Афанасьевна от всего переживаемого психически заболела, и не могла впоследствии много заботиться обо мне, то семья генерала Черкас меня взяла к себе и опекала до 17-го марта 1922-го года, дня когда я покинул Одессу и уехал в Польшу к родным.

Следующие эпизоды и события удержались в моей памяти за мое двухлетнее пребывание в Одессе: Миша Терехов жил со мною на одном этаже, в соседней квартире. Васю Федорова осенью 1921-го года по призыву взяли в красную армию. Стась Ярмолинский работал в парикмахерской «м-сье Серж» на Преображенской улице. Как-то летом 1920-го года, на углу Отрадной и Белинской улиц, я прочел на столбе объявление ОГЧК (Одесской чрезвычайной комиссии), что за активное участие в подпольной контрреволюционной организации расстреляны офицеры и кадеты Одесского кадетского корпуса. Запомнил лишь фамилии Полочан: Полковники Овсянников, Бышевский, Снитко и кадет Кочмаржевский. Среди других, кажется, была упомянута и фамилия офицера Одесского кадетского корпуса шт.-капитана Миляева и несколько Одесских кадет.

Вечная память дорогим воспитателям и товарищам. Так кончаю свои воспоминания. После 45 лет трудно все вспомнить.

Всегда ваш верный друг М. А. (Полочанин).

П.С. В 1926 году в Польше, в г. Граево встретил воспитателя нашего корпуса полковника К. И. Буздижана. Он был капельмейстером взвода трубачей в 9 полку конных стрелков.

Стефан Почебут-Одлажицкий скончался в Париже, где учился в университете.

Канада, январь 1966 года.

Михаил Арцюшкевич
Полочанин

От Редакции: По сообщению Анатолия Чирикова полочанина и крымца, Михаил Арцюшкевич умер в Польше 29-го 1978 г. и похоронен с воинскими почестями на кладбище Скларска Пореба.

ДОКЛАД ДИРЕКТОРА РУССКОЙ ШКОЛЫ

при Св.-Покровской церкви в Пало Альто.

(Печатается с сокращениями)

1978-79 учебный год это 18-ый год существования нашей школы. В этом году в школе 49 учеников.

Как и в прошлом году, у нас фактически четыре школы: Детский Сад, Приготовительные Классы, Гимназия и Специальный Класс.

В Детском Саду 10 учеников. Приготовительных Классов три (1-ый, 3-ий и 4-ый) в них всего 10 учеников. В Гимназии 5 классов (2-ой, 3-ий, 4-ый, 5-ый и 7-ой) всего 25 учеников. В Специальном Классе 4 ученика.

В преподавательском составе 10 лиц.

Архимандрит Спиридон (Ефимов), иерей Владимир Дерюгин, Н. Н. Дерюгина (матушка), Е. П. Конингс, Н. А. Корецкая, О. П. Коробкова, А. П. Мальчевский, С. Г. Ребизов, И. И. Ротчи, Т. П. Шматович, А. П. Корецкий помогает проверять ученические работы.

Администрация школы состоит из следующих лиц: Директор школы: А. Н. Мирошниченко; Инспектор школы: Архимандрит Спиридон; Казначеи: Т. С. Мантурова и Е. В. Чичканов; помощник: Г. Н. Абрамов; Ревизионная Комиссия: Н. А. Корецкий и Е. В. Чичканов.

Наша школа самоокупаема. Плата за правоучение: 3.25 дол. за одного ребенка за один учебный день. 4.75 дол. с двух детей за один учебный день. 5.75 дол. с трех или более детей за один учебный день.

В этом году Кулаевский Фонд пожертвовал нам 500.00 дол., кадетское объединение 100.00 дол., наше сестричество 25.00 дол. и г-жа Ванг 100.00 дол.

В прошлом году после нашего годового доклада мы получили от г-на И .А. Агатова и его супруги 20.00 дол. Мы в особенности благодарны г-дам Агатовым, так как они живут в Нью-Йорке. Г-н Агатов работает в журнале «Кадетская Перекличка» и узнал о нашей школе по нашим заказам. 100.00 дол. получено от г-жи Ванг, 20.00 дол. от г-на Житлова, вместо цветов на могилу вице-председателя кадетского объединения в Сан Франциско Георгия Телятникова. 100.00 дол. от г-жи Е. И. Мирошниченко. Это приход вырученный от пикника, который она организовала в пользу нашей школы.

Всем этим лицам мы, от всей души, выражаем нашу глубокую благодарность.

Учебный год у нас начался 9 сентября 1978 года, а кончится 19 мая 1979 года. Занимаемся мы по субботам; с 9:00 утра до 12:40 дня. На молитвы и перемены уходит 40 минут, на уроки 3 часа. Каждую суботу у нас 4 урока по 45 минут. В этом году 29 учебных суббот.

Во время большой перемены дети получают соки, молоко и печенье, а преподаватели кофе и печенье.

В этом году Архиепископ Антоний опять пригласил нашу школу на Введение (3 декабря 1978 года) на богослужение в собор. Поездка прошла с успехом.

13 января 1979 года была устроена Елка. Своим присутствием почтил нас Архиепископ Антоний.

В программе были: стихотворения, пение, танцы и пьеса. Самым же интересным было появление Деда Мороза, хороводы и игры вокруг елки. Елка прошла очень успешно. Это был не только праздник наших детей и школы, а вообще праздник русской колонии в этом районе.

Недавно — совсем неожиданно — посетил нас в школе Архиепископ Антоний. Для нас всех, учащих и учащихся, это была большая радость. За 18 лет существования нашей школы, это второй приезд Владыки. Нужно отметить, что из 20 приходов, которые входят в состав нашей епархии, всего лишь три прихода имеют школы: Сан Франциско, Бурлингейм и Пало Альто. Владыка с большим интересом ходил по классам, знакомился с детьми, преподавателями и нашей программой.

В работе школы мы встречаем массу трудностей. Некоторые из них мы упомянем здесь: отсутствие учебников для таких школ как наша, наша занятость, наша географическая разбросанность, отсутствие своего помещения, отсутствие курсов, семинаров или даже собраний для преподавателей таких школ как наша, не хватает финансовых ресурсов. Не достает желающих и знающих идейных людей, могущих работать в трудных условиях и, почти что, безвозмездно. Нужно не забывать, что у людей занятых на службе на это уходит около 10 часов в день. Остаток дня уходит на семью, заботы по хозяйству и на школу. А преподаватель должен подготавливаться к урокам, проверять тетради, тратить время на разговоры о школе, посещать педагогические собрания.

Из этого ясно, что для работы в школе часто требуются сверхчеловеческие усилия.

Жалованье преподавателей настолько маленькое, что его можно назвать только символическим.

Задача школы это помочь Церкви и родителям воспитать детей в православной вере и благочестии и ознакомить детей со старой православной русской культурой и, в особенности, с ее духовными ценностями.

Мы ясно понимаем, что мы не можем ограничиться сухим изучением русского языка. Мы стараемся создать в школе атмосферу семьи. Любя русскую школу, дети будут любить и Церковь и, русскую культуру.

Поэтому в наших правилах говорится, что «Дух школы мы стараемся создать подобным духу лучших русских школ. Отношение преподаавтелей к ученикам должно быть отеческое и материнское, и ни в коем случае, холодно-безразлично-официальное. То есть, с одной стороны заботливое, внимательное, любовное отношение, а с другой стороны строгое и требовательное».

Недавно у нас появилась возможность организовать школьный детский хор. Г-жа Л. А. Боброва взяла на себя обязанность организации хора, г-н С. Л. Упшинский согласился быть регентом. Наша матушка Надежда Николаевна тоже обещала помочь. Так что мы надеемся ,что с Божьей помощью, в скором будущем наши дети будут петь у нас на клиросе.

Наша школьная библиотека существует уже более пяти лет.

За пользование книгами мы платы не берем. Из всех книг, которые у нас есть, мы только одну просили нам пожертвовать; все остальные жертвователи принесли и предложили сами. Всех их мы благодарим от всей души.

В библиотеке регулярно работает г-н К. Г. Куркин. Работает он совершенно безвозмездно, за что мы ему приносим большую благодарность.

Библиотекой пользуются наши прихожане, а также учащие и учащиеся в нашей школе.

В библиотеке есть отделы: — духовных книг, литературы, истории, политики, журналов и детских книг. Среди духовных книг есть у нас полное собрание Жития Святых.

Наши духовные книги являются истинным кладом и способствуют диуховному росту и школы и прихода.

По просьбе многих библиотека начала заказывать и продавать книги духовного содержания.

В школе уже давно повелось, что окончившие школу дети получают Молитвослов, Новый Завет и «Братья Карамазовы» Достоевского. Уходящие преподаватели или лица оказавшие школе помощь, всегда получают в благодарность от школы книги духовного содержания.

Школа также, вот уже больше четырех лет, регулярно устраивает, после литургии, в помещении под церковью «Чай, кофе и сладкое» и маленький доход идет в пользу школы.

За организацию «Чай, кофе и сладкое» мы от всей души благодарим г-жу Е. И. Мирошниченко.

Недавно мы начали устраивать по воскресеньям лекции. Первая лекция состоялась 17 декабря 1978 года. Доклад читал известный американский славист проф. Джон Б. Данлоп на тему «Национально-Религиозное Возрождение в современной России». На лекции присутствовало 57 человек. Лекция прошла с большим успехом.

Вторая лекция состоялась 18 марта 1979 года. Мы слушали звуковую запись голоса о. Димитрия Дудко, которую нам любезно дал о. протоиерей Николай Домбровский. О. Димитрий читал выдержки из газеты «В Свете Преображения». На лекции присутствовало 53 человека. Она также прошла с большим успехом.

Существование нашей школы это, конечно, чудо. Неизвестно откуда появляются новые люди и новые силы и школа движется вперед. Нам ясно, что наши молитвы слышит Господь Бог и Св. Богородица и они нам помогают. Мы уверены, что мы и далее будем иметь Их помощь в воспитании наших детей в православной вере и благочестии.

Директор Школы. А. Н. Мирошниченко

НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЗАКОН О ПОДДАНСТВЕ.

Нами получено сообщение Государственного Департамента США (Министерство Иностранных Дел), поясняющее сущность нового закона о подданных изданного в Советском Союзе и вступившего в силу 1 июля 1979 г.

Согласно этому закону все лица, рожденные на территории Советского Союза в его теперешних границах, включая балтийские страны и все территории, приобретенные после войны, являются гражданами Советского Союза, не взирая на дату рождения, даже если они в данное время и являются подданными другого государства. Закон охватывает и детей этих лиц, рожденных вне указанной территории. Следова-

тельно лица, родившиеся на территории Российской Империи, включенной в теперешние границы Советского Союза, подпадают под этот закон, также как и их дети где бы они ни были рождены.

Хотя Соединенные Штаты и являются противником двойного подданства, они не могут не признать, что каждая страна, согласно установленным принципам международных законов, имеет право определять кто является ее подданным. Ввиду этого Гос. Департамент просил правительство Советского Союза пояснить положения этого закона, касающиеся лиц, принявших американское гражданство, сообщив при этом, что по американским законам, эти лица являются полноправными гражданами США наравне с лицами, которые приобрели это гражданство по рождению. Правительство США информировало правительство СССР, что все лица получившие американское гражданство, сохраняют его, не взирая на постановление закона о подданстве СССР и США настаивают, чтобы все американские граждане, легально посещающие Советский Союз, были рассматриваемы как таковые.

В своем ответе правительство СССР заявляет, что Сов. Союз, как раньше, так и впредь не будет препятствовать американским гражданам, посещающим Сов. Союз и обладающим паспортом и визами, покинуть его территорию и вернуться в США или другую страну их постоянного пребывания, хотя бы они по советскому закону и считались подданными СССР.

Гос. Департамент подтверждает, что, вплоть до дня опубликования этого сообщения (октябрь 1979 г.), американские граждане посещавшие СССР не испытывали затруднений при возвращении оттуда. Однако департамент запросил дополнительные пояснения в особенности касательно тех лиц, которые по новому советскому закону могут быть подвержены призыву в советскую армию.

Для того, чтобы избежать возможные неприятности и неуверенность в период происходящих переговоров, Гос. Департамент рекомендует американским гражданам, которые могут быть подвержены новому советскому закону, прежде чем посещать Сов. Союз, формально отказаться от советского подданства. Для получения информации по этому вопросу надлежит звонить по телефону (202)-632-8671 или писать по следующему адресу:

Office of Soviet Union Affairs
Department of State,
Washington, D. C. 20520.

Н. В. К.

ДВА КАДЕТА

ВМЕСТО НЕКРОЛОГА.

Один, — ИВАН ЛАТЫШЕВ, коренной Киевлянин, другой — Аракчеевец ВАСЯ ГОНЧАРОВ. 19-й год их свел в Киеве, в корпусных стенах, во Второй Роте. Оба были на хорошем счету у корпусного начальства и Корпус окончили уже в Сараево, в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев,. Вице Унтер Офицерами 3-го выпуска. Вася стал студентом Университета в Загребе, Латышев выбрал Белград. В результате же оба окончили Загребский Университет. Гончаров стал гражданским инженером строителем, Латышев вышел архитектором. Трудно приходилось в студенческие годы, и как все мы тогда, не брезгали никакой тяжелой работой: таскали кирпичи на постройках, мешки с цементом, копали землю, на постройках дорог. Всякое бывало... Но вот они стали инженерами. В новом звании и положении, создаются свои семьи и, казалось, прочно вошли в полосу нормальной жизни; когда уже можно строить какие-то свои планы на будущее.

Пережитый всеми нами опыт, с наглядной очевидностью показал, что с нашими несложными и честными планами, никто не считается на «высшем уровне», в наш злополучный век. И нужно было иметь волю, инициативу, настойчивость и просто биологическую живучесть, чтобы преодолеть неожиданные обвалы жизни.

Вторая война дала тому бесчисленные примеры, когда помянутые качества были необходимы как никогда.

С концом войны, оказавшись в провинции, оба они должны были как-то по новому устраивать свою жизнь Вася Гончаров зарекомендовал себя отличным инженером-строителем и благодаря этому однажды попал на глаза «высокому вождю» и был им обласкан. Низкая зависть, примитивов, вчерашних партизан из подметальщиков улиц, не дремала. Эти шефы, новая элита власти, легко съумели оклеветать «руса-петоколонаша», перед Вождем. И загнали его в Титовский Гулаг. Вася был крепкого здоровья, но из лагеря был выпущен полным инвалидом и протянул еще год-полтора, когда умер. Семьи уже не было, и одинокая смерть была его уделом.

К моему брату судьба оказалась милостивее. Где-то, кому-

то он неосторожно высказал свои русские чувства и был выслан, как и многие русские тогда, из Югославии. С женой и студентом сыном, он попал в Будапешт, но, к счастью, до венгерского восстания, удалось выехать в СССР, что их спасло. Попал в какой-то Совхоз под Ташкентом, на должность простого чертежника. Но вскоре, после неожиданной смерти жены, был переведен в техническое бюро. Как опытный строитель больших казенных зданий, которые он строил на далматинском побережьи, он попадает уже в качестве архитектора в Петроград. Как знающего специалиста, его командируют по разным отдаленным окраинам громадной страны по вопросам строительных консультаций. Дошло до меня его выражение: «работаю на измор». Только к 70-ти годам он смог выйти на пенсию. Но и то — не всегда был свободен. Как стало мне известно со стороны (переписываться я с ним не мог), он был морально удовлетворен большой и нужной работой. Исполнилась и мечта его — увидеть всю Россию. Умер внезапно, от кровоизлияния в мозг, оплакиваемый близкими родными и внуками.

Вот две судьбы. — Но оглянувшись назад к 1920 году, когда 25-го января в здании Одесского Кадетского Корпуса, на 3-м этаже, в холодных залах, где размещались эвакуированные кадеты Киевляне, уже несколько часов ждали приказа идти на погрузку в порт, ждали своего дежурного офицера-воспитателя, но никто не появлялся. Тогда старший по отделению в 5-м классе, кадет ИВАН ЛАТЫШЕВ, сознавая себя ответственным, решил больше не ждать а действовать. Он призвал себе на помощь своего друга и товарища ВАСЮ ГОНЧАРОВА. В форме приказа они объявили всем находившимся в залах кадетам, построиться захватив ручной багаж. Строем вывели из здания Корпуса, а проходя мимо Сергиевского Артиллерийского Училища, вооружили винтовками более рослых кадет, и так, строем, продолжили путь через весь город, путь в одесский порт. В строю находилось более 130 кадет от 1-го до 5-го класса. В городе уже орудовали банды «Атамана» Струка. Слышалась стрельба. До порта дошли благополучно, но и здесь понадобились инициатива и находчивость, ибо начальство не пришло на помощь и кадеты Латышев и Гончаров сами нашли способ погрузить всех малышей кадет, пропустив их мимо себя до последнего, на крейсер «Церес» и дальше в баржу, пришвартованную справа. Так под командой этих двух кадет мы прибыли в Варну, в Болгарию

(в Кадетской памятке, как и в журнале «Военная Быль» об этом сказано подробнее).

Получив известие о смерти брата, я невольно вспомнил об этом выдающемся случае жизни двух мальчиков-кадет, которым было только по 15 лет, сумевших не растеряться в общей атмосфере паники, не поддаться настроениям толпы в порту, но проявить нужную решительность и инициативу, как и сознание долга для спасения 130 младших товарищей-детей. Это был Подвиг, которым они сплели достойные венцы благодарной памяти и похвалы от нас шагавших тогда в строю под их командой.

Их обоих уже нет в живых, но этот подвиг был ДЕЛОМ ИХ ЖИЗНИ и остался великой заслугой в ОЧАХ ГОСПОДНИХ.

Сергей Латышев
Кадет 4-го выпуска Р.К.К.
и свидетель бывшего.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

25 Сентября 1979 г. скончался

СЕРГЕЙ ДЖУРИЧ

Русского Кадетского Корпуса выпуска 1925 г.
Капитан Югославской Королевской Армии.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОПОНОВ.

28-го апреля 1979-го года в Твери (теперь город Калинин) умер инженер Павел Николаевич ВОРОПОНОВ, вице унтер офицер Русского Кадетского Корпуса, VIII выпуска.

По окончании корпуса, а затем Университета в Бельгии, Павлик работал инженером технологом на сахарном заводе около гор. Сомбора, в Югославии.

В 1944-ом году, когда советские войска продвигались на запад и заняли Югославию, Павлик, как и многие другие русские, был арестован и вывезен в Россию.

Отбыв срок в концлагере Павлик поселился на постоянное

жительство в г. Твери, где работал по специальности, до выхода на пенсию.

Последнее время Павлик болел и умер весной этого года.

28-го сентября в городе Торонто друзьями была отслужена по нем панихида. Вечная память дорогому другу!

Объединение Кадет в городе Торонто выражает глубокое сочувствие сестре и всем родственникам покойного.

8-го ноября 1979 г. в городе Маракаибо, Венецуэла скончался кадет Киевского-Владимирского Кадетского Корпуса

ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ ДЕ БОДЭ.

Похоронен на кладбище гор. Каракаса.

Кадетское Объединение в Венецуэле выражает искреннее соболезнование семье покойного.

М. Н. ЗАЛЕССКИЙ

22 марта 1979 года, после продолжительной болезни, тихо скончался в одном из госпиталей Сан-Франциско Кадет Донского Кад. Корпуса Михаил Николаевич Залесский.

Родился Михаил Николаевич 4 июня 1905 года в Симферополе. Мальчиком пошел в Добровольческую армию. Летом 1919 года генерал П. Н. Врангель приказал всех добровольцев школьного возраста отправить из армии в тыл для продолжения образования. М. Н. попал в Донской кадетский корпус, в составе которого был эвакуирован в Югославию. В 1925 году, окончив среднее образование, поступил на химическое отделение Загребского университета. В начале 30 годов стал членом Национального союза нового поколения (впоследствии НТС) и активно включился в жизнь организации. В 1942-44 годах вел нелегальную союзную работу в оккупированных немцами областях России. Был в Минске, Харькове, Киеве. После войны работал в Институте по изучению СССР в Баварии, а затем переехал в Соединенные Штаты и поселился в Сан Франциско. В 1973 году вышел на пенсию.

Михаил Николаевич, или как его называли молодые — дядя Миша, был удивительно мягким и добрым человеком. Состоя, кроме НТС, в Казачьем союзе и Кадетском объединении, он безотказно помогал всем, кто нуждался в помощи. Часто и с успехом читал свои стихи на всякого рода встречах соотечественников в Сан-Франциско. В 1978 году издал книжку своих стихов — «Слава казачья». Писал политические статьи

и рецензии на книги в местной газете «Русская жизнь».

Незадолго до смерти Михаил Николаевич завещал все свои трудовые сбережения Фонду Свободной России.

Близко знавшие дядю Мишу говорят, что это про него сказано: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».

С. П. Р.

ФЕОДОР ФЕОДОРОВИЧ ЗАХАРЬИН.



Захарьины старинный боярский род известный с начала 15-го века. Родоначальник боярин Роман Юрьевич Захарьин был отцом первой жены царя Иоанна Грозного.

Федя родился в Киеве 2-го июня 1906 г. в военной семье. Отец его погиб за несколько месяцев до рождения сына. Его мать вторично вышла замуж за М. Ф. Кретчмера, который заменил отца Феде и его старшим двум сестрам и брату. Впоследствии у Кретчмеров рождается дочка Ольга любимая Федей сестренка Леля.

Федя также как и его старший брат Петя воспитывался в Киевском- Владимирском кадетском корпусе. Во время гражданской войны, при отступлении белой армии Федя с семьей покидает Киев. Испытав горечь поражения и эвакуацию Крыма семья Кретчмеров с большинством русской эмиграции попадает в Югославию. В те страшные годы не всем удалось сохранить свои семьи. Две старшие сестры и брат Петя остались в России.

В Югославии Федя определяется в Русский кадетский корпус в г. Сараево. В корпусе, где директором был ген. Адамович, Федя воспринимает все лучшее, что давала кадетская дисциплина, традиции и кадетская семья. До последних своих дней он вспоминал с глубоким уважением своих воспитателей и наставников, сохранив им благодарность за все, что они давали кадетам. Он очень серьезно занимался в корпусе гимнастикой и часто выступал на кадетских торжествах с группой кадет-гимнастов. Корпус он окончил «генералом» выпуска в 1928 г. и записался на юридический факультет Бел-

градского Университета, но вскоре перешел на Геодезические курсы, которые успешно закончил. Федя женится на Ольге Николаевне Зеленской и обосновывается вначале в Земуне, а затем переселяется в Загреб, где получает службу в Геодезическом Институте. Вскоре семья увеличивается, появившимся на свет сыном Алешей, теперешним начальником скаутской дружины «Царское Село» в Нью Йорке.

После окончания войны и трехлетнего пребывания в лагерях для беженцев в Италии Феде только в 1954 г. удается попасть в Америку, хотя его семья, покинув Югославию в конце войны, переехала на постоянное жительство в Америку на много раньше.

В Нью Йорке Федя служил в технических фирмах, занимавшихся проектированием дорог и мостов, с которыми продолжал сотрудничать и после выхода на пенсию. Уже в Америке Федя вступил во второй брак с Марией Васильевной ур. Тарновской. Здоровье Феди пошатнулось после первого сердечного припадка в 1971 г., когда ему пришлось ограничить свою деятельность, отказаться от автомобиля и работать больше на дому. Он был очень активен в русской общественной жизни. В кадетском объединении был старшиной. Состоял долгое время казначеем и секретарем Русского Центра и членом ревизионной комиссии Союза Помощи при Доме Свободной России, отдавая много времени работе в этих организациях.

Неожиданно в начале июня 1979 г. он почувствовал себя плохо и 13 июня скончался в больнице на руках жены и сестры от кровоизлияния в мозг. Похоронен Федя на кадетском участке кладбища Ново-Дивеево с соблюдением кадетских традиций. У открытой могилы кадеты спели «Братья все в одно моление души русские сольем...».

Да упокоит Всевышний душу ушедшего от нас раба Божия Феодора.

ПАМЯТИ М. Л. МИХЕЕВА.



22 июля с. г. скончался кадет 1-го Русского В. К. Константина Константиновича Кадетского Корпуса и церковно-общественный деятель Максимилиан Леонидович Михеев.

До последнего дня своей жизни Максимилиан Леонидович принимал активное участие в кадетском объединении, будучи его казначеем и в русской общественной жизни. Смерть настигла его на посту, когда он приехал в Новый Павловск, чтобы принять участие в проведении лагеря нью-йоркской скаутской дружины «Царское Село».

Максимилиан Леонидович родился 1 февраля 1923 г. в Пожаревце (Югославия). Его отец был командиром Донского технического казачьего полка, который в то время продолжал еще существовать как воинская единица, находясь на службе правительства Королевства С.Х.С. (Югославии). Окончил русскую начальную школу-интернат в Храстовце около Марибора. В 1934 г. поступил в 1-й Русский вел. кн. Константина Константиновича кадетский корпус в Белой Церкви, который окончил в 1942 г.

Из Белграда эвакуировался с семьей в Австрию в 1944 г. В 1946 поступил в Зальцбургскую дружину ОРЮР. Окончив курсы для начальников отрядов (КНО), был назначен начальником Зальцбургской дружины, а в августе 1948 г. окончил КДР (высшие руководительские курсы в ОРЮР). Из Зальцбурга прибыл в Нью-Йорк 19 1949 г., где реорганизовал отряд разведчиков и 14. 1. 1950 г. был назначен его начальником.

М. Л. Михеев передал нью-йоркскому отряду имя и старшинство, основанного в Зальцбурге в январе 1948 г. отряда им. св. бл. вел. кн. Александра Невского.

Много труда затратил М. Л. Михеев при подготовке первого нью-йоркского лагеря, который был проведен в августе 1950 г. в Магопаке на земле Новой Коренной Пустыни. С ноября 1950 г. и до 20. 4. 1952 г. занимал должность начальника

дружины, которой дал название — «Царское Село» (Приказ Ст. Скм. № 36 от 10. 12. 1950).

С конца 1975 г. скм. М. Л. Михеев принимал активное участие в работе 10-го одиночного отряда им. ген. Корнилова, а когда отряд развернулся в отделение, был назначен на должность помощника начальника, на которой пребывал до самой кончины. Кроме того с конца 1976 г. взял на себя казначейство и администрацию журнала «Скаут-разведчик».

Будучи талантливым художником и графиком, получил работу на русской спичечной фабрике «Лайонс», где делал рисунки для книжечек со спичками. После отъезда фабрики из Нью-Йорка перешел в другую фирму, где тоже работал по специальности.

25 мая 1958 г. женился на Татьяне Дмитриевне Фесенко-Навроцкой и имел двух дочерей — Наташу и Надю.

Как бывший кадет, Максимилиан Леонидович принимал активное участие в Объединении кадет зарубежных корпусов, а также и в прицерковных организациях: Попечительстве о нуждах Русской Православной Церкви за границей, Православном деле, Комитете празднования тысячелетия крещения Руси и Инициативной группе прославления блаженной Ксении Петербургской.

Прислуживал в алтаре со 2-го класса кадетского корпуса. В Зальцбурге был рукоположен в иподиаконы, а с переездом во Флашинг, был постоянным чтецом в Благовещенском храме.

Максимилиан Леонидсвич был человеком исключительной честности и доброты, прекрасным семьянином, отзывчивым и приветливым, который для каждого находил доброе, ласковое слово.

На похороны из лагеря ОРЮР было послано два сводных звена: одно, со знаменем Корниловского одиночного отряда под командой ски. А. Охотникова и второе, со знаменем отряда им. адм. Невельского, под командой ски. В. Федорова.

На панихидах и отпевании было исключительно много пришедших отдать последний долг почившему. О. Алексей Охотин в теплом прощальном слове сказал о большой потере, которую понес приход и отметил, что количество пришедших помолиться свидетельствует о том, каким человеком был покойный Максимилиан Леонидович.

Вечная ему память.

Р. Полчанинов.

ПАМЯТИ ВИКТОРА МАКСИМОВИЧА ГРИЦАЕНКО.

XI Крымского и Первого Русского Кадетских Корпусов.

Тяжело переживать смерть друзей детства. Виктор был одним из моих старых и добрых друзей.

На людях, в смешанной компании — застенчивый. В своей товарищеской среде — скромный, веселый и остроумный. Любил все кадетское, традиционное, но застенчивость пересиливала эту любовь, поэтому он и избегал бывать на встречах, где, кроме кадет, бывали посторонние. Таков был Виктор, которого в корпусе все называли Грек.

Эта скромность, какая-то несопротивляемость и покорность судьбе направила его жизнь по совсем другому руслу, чем ему хотелось. Не повезло ему в жизни. Мечта стать офицером, осталась мечтой. Стал он колесить по медвежьим углам Югославии, работая в качестве геометра.

Любовь к кадетским традициям привела к тому, что за ношение традиционного жетона в пределах расположения корпуса, распоряжением директора, он был исключен из корпуса за 3 месяца до матуры. Грек всегда учился хорошо, благодаря этому, Державная Комиссия распорядилась принять его обратно в корпус, правда против желания директора.

Виктор был очень способным и одного месяца, оставшегося до начала матуры было для него больше чем надо, чтобы нагнать пропущенное.

Есть русская поговорка: «Сила солому ломит». Виктор матуры не получил, и двери военной академии для него закрылись.

Изменилось выбранное им русло жизни и вся жизнь его оказалась исковерканной.

До свидания дорогой Грек! Для меня ты навсегда добрый друг.

Г. С.

К сведению кадет хабаровцев и всех заинтересованных. Наша книга сдана в издательство. В ней около 350 стр., много фотографий, художественный твердый переплет. Тираж всего 150 книг. Уплатившие сообщите свой адрес. Цена 15.- дол. + пересылка. Заказы и вопросы направлять по адресам:

N. Mursin: 184-05-89 Ave.
Hollis, New York 11423

V. Yegorov: 10104 Leder
Road, Silver Spring,
Maryland 20302

A. Martianov: 1627 East
1st Street, Bloomington,
Indiana 47401



ХАБАРОВСКИЙ
ГРАФА МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО
КАДЕТСКИЙ КОРПУС

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК





издание кадет хабаровцев



Воспоминания кадет
Донского
Императора Александра III
Кадетского Корпуса

590 стр., 100 фото, цена 12 дол. с пересылкой.

Желающие могут выписать по адресу:

D. SARINOFF

24 SYLVAN Court, LAKEWOOD, N. J. 08701

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal, Quebec. H3N 2K4. CANADA.